

ИСТОРИОГРАФИЯ

А.В. Гордон

ЛИЧНОСТЬ И СУДЬБА УЧЕНОГО: ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ ЗАХЕР

Анализируется жизненный путь советского ученого первого поколения, узника ГУЛАГа, историка Французской революции XVIII в. Рассматривается влияние на судьбу ученого политических кампаний и уголовного преследования. Подчеркиваются сложности исследовательского процесса в условиях идеологического контроля. В центре внимания коллизия между научными достижениями ученого, его признанием в отечественном и международном профессиональном сообществе и отношением к нему истеблишмента (университет, издательство, академическая иерархия). Широко использованы документы из архива Я.М. Захера и личного архива автора.

Ключевые слова: советская историография, Я.М. Захер, школа Н.И. Кареева, Французская революция XVIII в., «бешеные», яacobинская диктатура, террор в СССР

Яков Михайлович Захер принадлежал к революционному поколению, к тем увлеченным идеей преобразования общества на социалистических и демократических началах ученым, что пришли в историческую науку вместе с революцией 1917 г. Революция стала для них источником творческого вдохновения. Не случайно Я.М. почти всю профессиональную деятельность посвятил изучению Французской революции, в которой видели прообраз произошедшего в России.

Судьба многих и многих из этого поколения оказалась трагичной. Злой рок не миновал и Захера. Почти два десятилетия он был оторван от науки, пятнадцать самых плодотворных для ученого лет жизни оставил в ГУЛАГе. «Революция пожирает своих детей», – узнали мы из классического примера. В отношении России видится другое. Не революцион-

Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, заведующий сектором ИНИОН РАН.

ная стихия предстала в конце 20-х гг. перед тем поколением и всей страной в образе сказочного людоеда. А была Власть, все более сосредоточившаяся в политической воле и государственном разуме одного человека, выступавшего преемником Революции.

Я благодарен моим предшественникам в изучении жизни и творчества Я.М. Захера. В первую очередь – профессору Сыктывкарского университета Василию Павловичу Золотареву. Обследовав различные архивохранилища, побеседовав с дочерью ученого Натальей Яковлевной, с А.В. Адо (передавшим письма Захера), обратившись ко мне, Василий Павлович собрал значительный документальный материал и представил к столетию Захера обстоятельный биографический очерк¹. Совсем недавно петербургский историк Виктор Степанович Брачев уточнил обстоятельства жизни ученого до 1938 г. и воссоздал на основе материалов следствия перипетии судебной расправы над ним².

В этой статье я постараюсь дополнить уже опубликованное³, опираясь в основном на материалы личного архива ученого, которые были предоставлены в мое распоряжение его вдовой Зоей Ивановной и падчерицей Людмилой Николаевной Русак⁴. К сожалению, это лишь часть рукописного наследия Я.М.⁵: не сохранилось ни подготовленных для

¹ *Золотарев В.П.* Яков Михайлович Захер (1893-1963) // НиНИ. 1993. № 4. Вариант этой статьи см.: *Портреты историков. Время и судьбы.* Т. 2. Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 334–345.

² *Брачев В.С.* «Дело» Я.М. Захера // *Общество. Среда. Развитие (Тerra humana).* 2012. № 2. С. 41–45.

³ Ставя такую задачу, я лишь коснусь переписки Захера с зарубежными учеными и советскими коллегами, которая была в значительной мере опубликована мной ранее. См.: *Гордон А.В.* Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада // *ФЕ* 2007. М., 2007. С. 215–255. См. также: *Гордон А.В.* Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 227–271; *Гордон А.В.* Судьба ученого советской эпохи: В.С. Алексеев-Попов // *ФЕ* 2014. М., 2014.

⁴ Ссылки на этот архив я далее опускаю. В тех случаях, когда документ приводится без указания источника, подразумевается по умолчанию, что он принадлежит к этому фонду. Завещания ученый не оставил, о чем свидетельствует обращение его сына, Юрия Яковлевича Захера? в редакцию журнала «Вопросы истории» от 30 апреля 1964 г. Сразу после смерти отца он, выступая душеприказчиком, в дополнение к тому, что уже находилось у него, вывез наиболее ценную часть рукописного наследия из Петергофа («два портфеля», по выражению Зои Ивановны – См.: З.И. Захер – А.В. Гордону, 28 марта 1963 г.). Ю.Я. Захер скончался 30 июня 1975 г., не оставив никаких распоряжений. Последнее время он жил у приятельницы, а умирал у сестры. Через несколько лет после его кончины я приехал в Ленинград, но ни у Натальи Яковлевны, ни у жены Ю.Я., ни у Зои Ивановны эту часть архива я не нашел. При том Ю.Я. в переписке со мной свидетельствовал о хранившихся у него рукописях книг и статей, а также о выписках из документов Национального архива Франции. Сведений о письмах Я.М. в переписке не было.

⁵ Нет даже того, что я видел у Зои Ивановны – лагерной тетради со стихами Я.М. и семейного фотоальбома.

переиздания монографий о «бешеных» и Шометте¹, ни текста докторской диссертации, ни писем Я.М., в том числе из мест заключения (судя по сохранившимся письмам первой жены², переписка между ними с 1943 г. была достаточно регулярной). Лакуны постараюсь восполнить личной перепиской, а также воспоминаниями тех немногих, кто знал ученого.

Родился Я.М. 22 октября (по старому стилю) 1893 г. в Миасском заводе³, как записано в свидетельстве, выданном раввином Оренбургской губернии. Родители – горный инженер Мендель Бейнусов Захер и его жена Ольга Григорьевна (орфография подлинника). Позднее, 30 декабря 1909 г., раввин г. Режица (ныне Резекне в Латвии) выдал уроженцу города Менделю Захеру удостоверение в том, что «имя Мендель соответствует в общежитии имени “Михаил”, а потому он, Захер, именуется Михайлом⁴, а сын его Яков – Яковом Михайловичем». Справка была предназначена «для представления в учебные заведения», аттестат об окончании Тенишевского училища выдали Якову Михайловичу Захеру.

Я.М. учился в этом знаменитом училище в 1903–1910 гг. Оно помещалось (Моховая, 33) наискосок от дома, где после переезда в столицу поселилась его семья, приобретя квартиру на ул. Моховой, 28. Учрежденное «русским американцем» князем В.М. Тенишевым, то было учебное заведение нового типа. Символично, что для него было выстроено специальное здание со стеклянной крышей и огромными окнами, резко выделявшееся из окружающего питерского пейзажа. Как коммерческое училище оно и подчинялось не министерству просвещения, а министерству финансов, что позволяло работать по собственной программе и методике (ни отметок, ни переводных экзаменов). А учащиеся вместо стандартной формы были одеты, по воспоминанию О.Э. Мандельштама, «на какой-то кембриджский лад»⁵.

¹ Один экземпляр рукописи «Шометта» был направлен Ю.Я. Захером в Институт истории А.З. Манфреду. Лаборант Юрия Яковлевича по просьбе Манфреда оставил его в секретариате. Следы рукописи затерялись. Другой экземпляр был отправлен в ГДР. Его приняло к публикации берлинское издательство Rütten und Loening. Однако переводчица, как говорил мне в октябре 1989 г. в Лейпциге Вальтер Марков, перебралась в ФРГ. Никто судьбой этой рукописи, как и другой – «Бешеные» Варле, Леклерк и Лакомб», принятой издательством Akademie-Verlag, не интересовался («Список книг и статей, отправленных для печатания»).

² Расписались профессор Захер и студентка Блюм (так определен их статус в документе ЗАГС) 25 марта 1925 г. Для 31-летнего Я.М. это был первый брак, для 29-летней Анны Моисеевны – второй. По окончании института она работала врачом, умерла в 1950 г.

³ Ныне г. Миасс Челябинской области.

⁴ Впоследствии Михаил Вениаминович.

⁵ См.: *Калишевский М.* Особый мир Тенишевского училища // <http://www.zarplata.ru/a-id-13251.html>

Будучи по статусу приравненным к реальному училищу, Тенишевка, между тем, отличалась весьма широкой подготовкой (князь задумывал формирование русского, говоря современным языком, менеджества). Помимо полного и привычного для отечественной средней школы набора предметов математического и естественно-научного циклов, кроме русского языка и словесности (а также немецкого и французского), русской и всеобщей истории, в аттестате Захера были указаны: коммерческая арифметика, счетоводство, политическая экономия, законоведение, гражданское и торговое право, товароведение, коммерческая география. А сверх того – рисование, чистописание и пение.

Обучение велось на высоком уровне: ведущие преподаватели пришли из университетов, к услугам учащихся были различные лаборатории, обсерватория, оранжерея. Девизом училища было «знание – сила». Ученики, по уставу, не должны были вмешиваться в политику. Вместе с тем, общественная жизнь, по отзыву собственного журнала, «была ключом»¹. Выступали ведущие поэты Серебряного века, ставил спектакли В.Э. Мейерхольд, но самое главное, поощрялись интенсивное самообразование и творческая самостоятельность самих учащихся: кружки, диспуты, журналы.

Состав учеников был элитарным: сыновья философа В.В. Розанова, историка и лидера кадетов П.Н. Милюкова, генерала Н.Н. Юденича. Никаких ограничений, кроме высокой платы за обучение. Родителям Я.М. она была по силам. Окончив в 1885 г. Петербургский Горный институт², Михаил Вениаминович Захер (род. 1861 г.) после успешной работы горным инженером входил в правление различных горнодобывающих компаний, был вице-президентом российско-монгольского акционерного общества «Монголор», которое сыграло заметную роль в развитии экономических связей между двумя странами и среди акционеров которого числились и особы царствующего дома³.

Сохранились фото заседаний различных компаний, впечатляют образы этих людей, сами позы и лица выражают степенность, рассудительность, чувство собственного достоинства. Михаил Вениаминович сохранял импозантность и стать до конца: Юрий Яковлевич вспоминал, что и

¹ Тенишевец. 1908 № 5. С. 8 (литографированный журнал училища).

² Тогда Горное училище.

³ Внучка Я.М. Инга Юрьевна подарила мне в свое время наградную грамоту 1916 г. богдогэгэна, монгольского правителя, из которой явствует, что Михаилу Вениаминовичу как вице-президенту «Монголор» присваивается дворянский титул. Впрочем, на личное дворянство он имел право и как титулярный советник (чин 9-го класса по Табели о рангах Российской империи). Об этом чине отца говорилось в аттестате Я.М.

в свои восемьдесят деда выглядел на 25 лет моложе¹. Можно только восхититься жизненной стойкостью родителей Я.М., его отца. Пережить экспроприацию, «уплотнение», наконец, арест единственного сына – и не согнуться! Умер Михаил Вениаминович в эвакуации в Буге (Костромской области), был похоронен на местном кладбище².

Недолгая жизнь Тенишевки – золотая осень Российской империи. Ее выпускниками стали О.Э. Мандельштам и В.В. Набоков, отечественную науку прославили академики: филолог В.М. Жирмунский, биохимик Е.М. Крепс, геолог Д.В. Наливкин, физик Д.В. Скобельцын. Возможно, среди них значилось бы и имя историка Я.М. Захера.

После блестящего окончания Тенишевки³ Я.М. поступил в университет на юридический факультет (1910). Почему на юридический? Историческое образование в училище было поставлено неплохо, историю вел И.М. Гревс, и интерес к ней у Я.М. пробудился уже в училище⁴. Объяснение оказывается простым: истфак открывал путь лишь к преподаванию, а в государственное просвещение допускались исповедовавшие государственную религию. Между тем юридическое образование давало доступ к частной практике в статусе присяжных поверенных⁵.

О характере и настроениях студенческой поры можно в какой-то мере судить по лирике Я.М. В ней отразились и типичные юношеские переживания, и стиль Серебряного века, и, в меньшей мере, приближение революции. Кое-где все же дух времени уловим. Таков отклик на стихотворение Семена Надсона «Друг мой, брат мой...» 1880 г. Тот же возраст авторов, сходные образы и надежды, но в одном случае тоска по поруганному идеалу, утешение изверившемуся, «усталому брату»: «Мир устанет от мук, захлебнется в крови, / Утомится безумной борьбой / И поднимет к любви, к беззаветной любви / Очи, полные скорбной мольбой!»

У Яши Захера – жизнеутверждающий тон, дух борьбы, вера в то что «мир, наконец, пробудится от сна, от ненужных, томительных слез»: «Да, я верую в то. Царство божье придет, / Но придет так скоро оно, / И пока человечество правду поймет, / Умереть мы успеем давно. / Да, умрем мы задолго до светлой поры, / Не увидя волшебный тот

¹ Ю.Я. Захер – Я.М. Захеру, 4 августа 1953 г.

² По заказу Ольги Григорьевны был поставлен памятник на его могиле, и у нее был даже замысел провести остаток жизни в Буге (Ю.Я. Захер – Я.М. Захеру, 22 сентября 1953 г.).

³ По 22 предметам были пятерки и лишь по рисованию 4.

⁴ «Отец неоднократно говорил мне, что его интерес к истории Европы возник в средней школе» (Ю.Я. Захер – Р. Коббу, 18 июля 1963 г.).

⁵ Хотя я не спрашивал, Я.М. захотел сказать об этом – возможно, в связи с коллизией моего провала с поступлением в аспирантуру.

час. /Наш удел – это пытки, тюрьма и костры, / Им блаженство, а муки для нас»¹. Характерно и окончание другого лирического стихотворения той же поры: «И теперь, вспоминая минувшие годы, / Ожидая грядущие дни, / Так же сильно молюсь я богине Свободы, / Как молился богине Любви»².

Я.М. закончил юрфак на «весьма удовлетворительно» по всем предметам и получил диплом первой степени «со всеми правами и преимуществами», как было отмечено в документе, выданном 23 февраля 1916 г. От юридического образования сохранилась дипломная работа ни много ни мало о смертной казни: уже первый научный опыт будущего историка «бешеных» был проникнут пафосом социальной справедливости в единстве с гуманистическими идеалами.

Подчеркивая во введении актуальность вопроса, автор открыто выражал свою гражданскую позицию: «Русское и иностранное общество, кроме тех элементов его, которые ищут не общего благосостояния, а своей эгоистичной, личной пользы, которые на трупах жертв палачей хотят себе выстроить пышные хоромы и благоденствовать в них – все общество объединилось единым лозунгом «Долой смертную казнь»³. Дипломант квалифицированно обработал материал по России и ведущим странам Запада и в результате представил основательную сводку данных об общей динамике снижения количества вынесенных смертных приговоров на протяжении XIX – начала XX вв.

Грянула революция, Я.М. поступает на историко-филологический факультет (1918), который и заканчивает в 1920 г. по индивидуальному плану⁴ за три года с теми же оценками «весьма удовлетворительно»⁵. Эти три года стали без преувеличения судьбоносными для ученого. Он формировался, работая в семинаре Николая Ивановича Кареева, слушая лекции Евгения Викторовича Тарле. Непосредственное общение с классиками *école russe* сделалось тем фундаментом, на котором до конца жизни, несмотря на все идеологические наслоения и политические катаклизмы, зиждились исследовательский стиль и творческая манера уче-

¹ Ответ Надсону «Друг мой, брат мой...». Из записной книжки с датой «декабрь 1910».

² Стихотворение под названием «20 апреля» (орфография дореволюционная) имело приписку с обращением к неизвестному лицу: «Только ради Бога не вздумай критиковать с [точки]. з[рения]. формы – ее здесь просто нет!». Подпись Я.З.

³ Захер Я.М. Смертная казнь в современных государствах. 1914. С. 1–2.

⁴ При том с октября 1918 по декабрь 1919 г. Я.М. работал в школе в Петергофе, а в 1920 г. проходил военную службу (данные из Трудового списка – прообраз трудовой книжки. Составлен зав. личным составом Лен. гос. университета, продолжен в Вологодском пединституте и ЛИФЛИ).

⁵ Свидетельство Факультета общественных наук Петроградского университета 28 октября 1920 г. (архивная копия ГАОРС по Ленинградской обл.).

ного с характерным упором на факты, источники, архивные документы¹. По окончании учебы он был оставлен при университете «для приготовления к преподавательской деятельности по кафедре всеобщей истории»².

Одновременно Захер стал марксистом, вступив в 1917 г. в плехановскую группу «Единство»³. Этот выбор видится вполне осознанным не только в общественно-политическом, но и в научном отношении. Марксизм, не стоит забывать, давал простую и убедительную для начала XX в. схему исторического процесса; революция – и та, очевидцем которой был ученый, и та, которую он стал изучать, – представлялась наглядным свидетельством. На этот счет существует авторитетное мнение самого Кареева: «Как и все революции вообще, та, что произошла во Франции в конце XVIII в., принадлежит к категории исторических событий, к которым в наибольшей степени приложима теория исторического материализма о борьбе классов, марксистская по преимуществу»⁴.

Марксистские предпочтения Я.М. не стали поводом для его разрыва с Учителем. Более того, по признанию (вынужденному) Захера, Кареев выдвигал его перед другими участниками семинара более близкой идейно-теоретической ориентации – И.Л. Поповым-Ленским⁵, В.В. Бирюковичем, С.М. Данини (Глаголевой)⁶. Главное, Кареев сам признавал творческую преемственность. Речь шла конкретно о брошюрах Захера «Парижские секции 1790–1795 гг., их политическая роль и организация» (1921), «Жак Ру» (1922) и «9 термидора» (1926)⁷. Важно, что Кареев подчеркивал связь последней из них с собственными публикациями, где отмечалось нарастание недовольства диктатурой в парижских секциях. Эта линия станет магистральной в подходе Я.М. к термидорианскому перевороту.

¹ В.С. Алексеев-Попов, ученый уже советской формации, писал Я.М.: «Вы были бы довольны, что я от общих идей перешел к фактам» (В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 14 октября 1959 г.). А мне Я.М. заповедовал: докторскую диссертацию по Французской революции можно писать только на основе французских архивов.

² Трудовой список.

³ См.: *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 41.

⁴ *Кареев Н.И.* Французская революция в марксистской историографии в России / Публ. Д.А. Ростиславлева // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 197.

⁵ Иннокентий Лаврентьевич Попов-Ленский (1893–1931) работал в РАНИОН, был профессором Института Маркса и Ленина, скончался в Москве (<http://vvedenskoe.pogost.info/displayimage.php?album=31&pos=390>). Я слышал эту фамилию в семье Я.М., он рекомендовал мне Попова-Ленского как автора книги о Барнаве (1924) и в этом качестве как одного из немногих отечественных специалистов по идеологическим проблемам революции.

⁶ Самообличительное письмо Захера 18 февраля 1931 г. организаторам разгромного заседания Ленинградского отделения Коммунистической академии см.: *Зайдель Г.С., Цвибак М.М.* Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы. М.; Л., 1931. С. 226.

⁷ *Кареев Н.И.* Указ. соч. С. 199.

Может быть, еще важнее указание на преемственность цикла работ о «бешеных», начатого брошюрой о Жаке Ру.

В советской историографии властвовал тренд изучения революции «снизу и слева», как определил А.В. Адо. Уточню, в 1920–1960-х гг. то был общий тренд мировой историографии. Матьез и Лефевр во Франции, Томпсон в Великобритании имели немало учеников и последователей. Да и в России интерес к «бешеным» (это признавал Кареев) был разбужен еще книгой П.А. Кропоткина, который занялся ими почти одновременно с Жоресом. Кропоткин-Кареев-Захер – такой мне видится преемственность в изучении самой левой группировки критического периода революции.

В историографии революции и коллективной памяти историков Захер остался, в основном, автором капитальной монографии о «бешеных». Между тем круг его интересов был значительно шире, и зарекомендовал он себя в разных областях. Прежде всего – преподаванием в вузах, которое началось с Военно-политического института им. Н.Г. Толмачева¹. По воспоминаниям работавшего там член-корреспондента АН Федора Васильевича Потемкина, Захер «выполнял функции профессора», читал курс истории Западной Европы в Новое время.

Курс носил новаторский характер. «Тогда, в 1922 г., – пишет Потемкин, – не было никаких марксистских учебников или учебных пособий по новой истории. Поэтому, несмотря на дискуссионность, а в отдельных случаях и необоснованность некоторых оценок или обобщений, учебный курс, подготовленный и прочитанный Яковом Михайловичем Захером, несомненно имел, в общем, значительную научную и учебно-методическую ценность»².

По материалам преподавательской деятельности³ Захер выпускает конспект лекций «История Великой французской революции», а затем под тем же названием неоднократно переиздававшееся учебное пособие с хрестоматией (1923). Стремясь познакомить советского читателя с источниками, он выпускает и более солидную публикацию переводных ма-

¹ В Трудовом списке есть запись, что в 1920 г. Захер стал заведующим отделением Петроградского Красной армии им. Толмачева университета. После ряда переименований этот центр подготовки армейских политработников стал называться Военно-политической академией им. В.И. Ленина.

² Отзыв о научно-педагогической и научно-исследовательской работе Я.М. Захера. Рукопись с заверенной в Институте истории АН подписью Ф.В. Потемкина. Датирована 27 июня 1956 г.

³ В 1923 г. Захер стал доцентом, в 1927 г. профессором университета (Трудовой список) и по совместительству – доцентом (1 октября 1924 г.) и профессором Пединститута им. Герцена (постановлением подсекции Государственного ученого совета, сокращенно ГУС, под председательством М.Н. Покровского, 9 ноября 1926 г.).

териалов по истории революции, оставившую заметный след в вузовском образовании 20–30-х гг.¹ В 1924 г. выходит в свет лекционный курс с документами по истории Великобритании конца XVIII – начала XIX в.² (за 1924–1928 гг. четыре издания!), а затем и по революции 1848 г. в Германии (1927).

Писал Я.М. легко, выделяясь среди историков-марксистов хорошим литературным стилем и квалифицированной работой с источниками, а потребность в историческом образовании нарождавшейся советской интеллигенции была огромной. Одновременно с «Жаком Ру» вышли популярные брошюры о Сен-Жюсте (1922) и Робеспьере (1925), а также о Тюрго. И одновременно – статья «Тюрго как предшественник Маркса» в Записках научного общества марксистов (1924, № 2).

Кроме новой истории Запада, Я.М. интересовала внешняя политика России. Предыстория Первой мировой войны оставалась злободневной в советское время, и статьи Захера по проблеме проливов, основанные на изучении источников (включая архив МИД), продолжали выходить с 1923 по 1928 г.³ Именно работа по внешней политике была опубликована в сборнике, который посвятили Карееву его ученики и друзья⁴. И когда Я.М. испрашивал зарубежную командировку, он, кроме хранилищ документов по «массовой истории Французской революции», указал для своих изысканий «Архив Великой войны в Париже и Архив министерства иностранных дел в Берлине»⁵.

Творчество Я.М. отчетливо делится на три периода: 1920-е, 1930–1938 и 1956–1963 гг. Первый удар властей по нему пришелся на год Великого перелома, ознаменовавшийся, как рапортовали, «наступлением на всех фронтах». Одним из «фронт» стала наука. «Академическое дело» только на первых порах и на первый взгляд было направлено против ученых «старой», императорской Академии. Утверждая в обществе культуру партийности с жесткой идеологической дисциплиной и принципом

¹ Захер Я.М. Французская революция в документах. 1789–1794. Л., 1926. 379 с.

² Захер Я.М. Промышленный переворот в Англии и его последствия (Учебник и хрестоматия). Л., 1924.

³ О сохранявшемся интересе свидетельствует штудирование Я.М. книги С. Фея «Происхождение мировой войны», первый том которой был издан в русском переводе в 1934 г. (Захер отметил постраничные ссылки автора на архивные документы, приведенные в его статье о политике России в отношении проливов).

⁴ Захер Я.М. К истории русской политики по вопросу о проливах в период между русско-японской и триполитанской войнами // Из далекого и близкого прошлого. Пг., 1923. С. 300–309.

⁵ См.: Золотарев В.П. Указ. соч. С. 189. Работы Захера по истории международных отношений отметил и А.И. Молок (см.: Характеристика научной и педагогической деятельности Я.М. Захера. Машинописный текст с заверенной в Институте истории АН подписью А.И. Молока. 19 мая 1956 г.).

единомыслия, репрессии неминуемо должны были затронуть всех, кто стремился к творчеству, к духовной свободе¹.

Не теоретические расхождения, а поворот «генеральной линии» партруководства обусловил отчуждение *école russe* от советской историографии. В «вегетарианские» (по определению А.А. Ахматовой) времена НЭПа, когда школьники могли читать воспоминания Керенского, Деникина, Краснова, «Дневник» Суворина, переписку Николая II с женой², «академики» и советско-марксистская школа пребывали в фазисе сосуществования, несмотря на политическую гегемонию второй.

Яркий пример тесного взаимодействия являла собой Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В состав РАНИОН вошел созданный Наркомпросом еще в 1921 г. при факультетах общественных наук в Москве и Петрограде Институт истории. С 1922 г. Захер стал его сотрудником, а в 1927 г. – ученым секретарем.

В институте работали крупные ученые «старой школы», директором был Д.М. Петрушевский, председателями профильных секций в Ленинграде стали А.Е. Пресняков и Е.В. Тарле. Александр Евгеньевич был назначен директором ленинградского отделения. Заодно в руководство входили историки-партийцы, ученики Покровского Г.С. Зайдель и А.М. Панкратова. Захер пользовался уважением обеих сторон, о чем и свидетельствует его избрание научным коллективом на пост ученого секретаря. То был звездный час для молодого ученого. Сыграли свою роль не только научные достижения Я.М., но возможно еще больше – широта натуры, взглядов, мировоззренческая открытость.

Захер был признанным, в том числе центральной партийной прессы³, историком-марксистом, членом Общества историков-марксистов, докладчиком на всесоюзной конференции историков-марксистов зимой 1928–1929 г. (первой, как она называлась, и последней, как получилось). Марксизм Захера был между тем достаточно широким. К раннему периоду его творчества приложим, по видимости, термин «экономический материализм».

Убеждение в определяющей роли экономики, «социально-экономических детерминант»⁴ разделяли в конце XIX – начале XX в. многие русские историки, представители «легального марксизма» (к нему были

¹ См.: Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. С. 72–119.

² См.: Давидсон А.Б. Я вас люблю: Страницы жизни. М., 2008. С. 248–249.

³ Положительные рецензии на его работы 20-х гг., прежде всего «9 термидора», появлялись и в «Правде», и в «Известиях».

⁴ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле: Историк и время. СПб., 2014. С. 333

близки и Кареев с Тарле), а также социалисты II Интернационала. Выводы Захера ранней поры об «объективной реакционности» Жака Ру и его сподвижников зиждились на том же постулате, что и у Жореса – стремление «бешеных» к ограничению крупного капитала противоречило «объективным законам экономической эволюции».

Из позднейших рассуждений Захера выясняется, что именно его и раннюю советскую историографию подталкивало к экономоцентризму. Он отверг в довольно резкой форме совет И.С. Кона, чтобы я избрал темой кандидатской диссертации идеологические вопросы. «Обращая внимание на идеологическую подготовку Революции, очень трудно, – объяснял он мне, – найти путь между Сциллой: переоценкой роли идеологического момента (чем грешат все буржуазные литераторы) и Харибдой экономического материализма – игнорирования обратного влияния надстройки на базис. Чтобы найти правильную дорогу, необходимо иметь гораздо большую философскую подготовку, чем у Вас и у меня. Кроме того, буржуазная трактовка Революции как детища “просветителей” до того набилась оскомину, что работа на эту тему отталкивает заранее всякого нашего читателя»¹.

Захер был с 1923 г. кандидатом, а с 1925 г. членом ВКП(б). Однако он был совершенно чужд большевистскому духу фанатичной преданности организации и соответственно – насаждавшейся культуре партийности, где на первом месте находилось беспрекословное подчинение директивам руководства. По подсчету Елены Иосифовны Катерли, Захер «отдавал партии только час в неделю». Видимо, этой журналистке (впоследствии известной ленинградской писательнице) сообщили, кто надо и когда стало надо, о поведении Захера на партсобраниях: «молча усаживался на последнюю скамейку, молча слушал доклад, молча уходил домой»².

Когда разгорелась борьба с инакомыслием, когда партийный вожь провозгласил «Бить по всем направлениям!», а руководитель «исторического фронта» предупредил, что «нейтральных» тоже будут «бить», сотрудничество с представителями старой «школы» сделалось политически одиозным, если не криминальным. Попытка Захера сохранить верность прежним научным и личным связям была расценена как предательство.

Уголовным репрессиям по «Академическому делу» предшествовала мощная идеологическая кампания. Началась она в партийной прессе (отличилась «Ленинградская правда»), затем затронула научную обще-

¹ Я.М. Захер – А.В. Гордону. 2 февр. 1962 г. (письма Я.М. ко мне здесь и далее приводятся из моего личного архива).

² Катерли Е. Ученый-дезертир // Ленинградская правда. 1929. 12 октября.

ственность. Покровский, который вскоре станет свидетелем обвинения на процессе академиков, персонально взялся за Тарле, и его усилия должны были поддержать историки-марксисты Ленинграда.

«В середине 1928 г., – показывал Захер на следствии, спустя 10 лет, – началась кампания против профессора Тарле Е.В. в связи с выходом из печати его книги “Европа в эпоху империализма”... Партийная организация Ленгосуниверситета поручила мне выступить с критикой... Я смалодушничал, поддался чувству благодарности Тарле, так как он был мой учитель и очень много дал мне в науке. После выступления... я попросил доцента Молока А.И. (ныне профессор) сообщить профессору Тарле, что я лично против него ничего не имею, а выступал лишь потому, что меня к этому вынуждает партийная организация. Профессор Молок не сообщил об этом Тарле, а сообщил в партийную организацию. Узнав об этом, я сразу же подал заявление о выходе из членов ВКП(б)»¹.

За это выражение чувства благодарности к старшему товарищу Захер был заодно с ним подвергнут изобличению: в университетской газете его объявили «ренегатом», в «Ленинградской правде» – «дезертиром». 30 ноября 1929 г. парткомиссия исключила его из ВКП(б). Хотя формулировка была щадящей – «выходец из чуждой социальной среды», проявивший «полную политическую неустойчивость»² – последовало изгнание из Университета прямо среди учебного года³.

Драматический узел человеческих и профессиональных судеб, завязанный «наступлением на всех фронтах», требует и одновременно позволяет поставить стержневые историографические вопросы. Как оценить научную аффилиацию Захера? Его привлекли к партийной и профессиональной ответственности как приверженца «русской школы», который прикрывает эту приверженность «марксистской ортодоксией»⁴. И он сам под шквалом обвинений, как и 10 лет спустя под следствием, признал Тарле своим учителем.

Но был ли – и в какой мере – Захер «учеником Тарле»? Интересные пояснения находим во втором издании биографии Тарле, написанной Б.С. Кагановичем: не существовало «школы Тарле», его учениками были «все и никто». Публичные лекции и литературный талант принесли Тарле необыкновенно широкую популярность и многочисленных по-

¹ Молок на следствии подтвердил в общем показание Захера (*Брачев В.С.* Указ. соч. С. 42).

² *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 42.

³ «Отчислен из состава преподавателей Лен. Гос. Университета, как прекративший работу», – выписка из приказа от 29 января 1930 г., приведенная в записи Трудового списка, как ни странно, от 16 января 1930 г.

⁴ См. подробнее: Гордон А.В. Власть и революция: Советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов, 2005. С. 81–92.

клонников, в том числе из политической элиты. В профессиональной среде его влияние было более ограниченным. Тарле по-настоящему любил работу в архивах, но ее методы вызывали подчас критику. По деликатному заключению С.Н. Валка, Тарле был «скорее блестящим историком», чем «изучившим свои фонды архивистом». Немаловажная для образа ученого деталь – «не любил педагогики» (Е.С. Ланн)¹, чурался семинарских занятий. Для исторического мировоззрения характерна была проявившаяся уже в ранних работах «тяга к сильным личностям» (П.П. Щеголев)².

Кареев тоже выступал с публичными лекциями, имевшими общественное звучание, воссоздавал в своих сочинениях широкие исторические полотна. Однако здесь нет того «мастерства исторической живописи» (К.И. Чуковский)³, что принесла славу Тарле. Нет и тяготения к военно-историческим сюжетам с имперскими обертонами и тем более культа исторического героя. В этих своих влечениях Тарле являл, пожалуй, исключение среди представителей *école russe*⁴. В общем, для Захера – хотя политически на его судьбе сказалась связь с Тарле – вернее говорить о «школе Кареева».

В начале 30-х репрессии еще не сделались тотальными. Захера оставили в Герценском⁵ и позволили стать профессором (с 16 октября 1930 г.) и даже «научным руководителем кафедры истории» Северного краевого пединститута в Вологде⁶. 1 сентября 1933 г. Захер был зачислен на должность профессора ЛИФЛИ (Ленинградского института истории, философии и лингвистики)⁷. Право работать по специальности требовало покаяния – за свои научные убеждения и моральные принципы, за свои творческие и личные связи с учителями. В том числе, что было,

¹ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле... С. 94, 315.

² Цит. по: Зайдель, Г.С., Цвибак М.М. Указ. соч. С. 137. См. также: Гордон А.В. Власть и революция... С. 146–183.

³ Цит. по: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле... С. 59.

⁴ Характеризуя идеологический поворот конца 1930-х годов, мне довелось в монографиях 2005 и 2009 гг. провести идейную параллель между Тарле и Р.Ю. Виппером (рецепция имперской традиции в советской историографии).

⁵ Из пединститута им. Герцена Захера не отчислили даже после ареста в 1938 г. Справка из институтского архива 27 апреля 1956 г. на основании личного дела уточняла: «Сведений об увольнении из института проф. Захера Я.М. в архиве не имеется». А в трудовой книжке (копия) две записи: за 1933 г. штатный профессор по кафедре всеобщей истории и 13 апреля 1956 г. освобожден от работы. При этом Я.М. получил в качестве компенсации двухмесячное пособие из расчета 4 тыс. рублей в месяц (справка из бухгалтерии).

⁶ Трудовой список. Был освобожден по собственному желанию 22 февраля 1935 г. (копия из госархива Вологодской обл.).

⁷ Трудовой список указывает основание – «согласно поручений НУЗ на 33/34 уч. г. по ЛИФЛИ».

наверное, особенно унижительным – каяться приходилось и перед студентами¹.

Рубеж 20-х и 30-х гг. явился кульминацией в творчестве Захера. Одна за другой выходят в свет монографии «Бешеные» (1930), «Анаксагор Шометт: Антирелигиозник XVIII века» (1930), двухтомник «Французская революция и церковь» (1930–1931), «Парижская Коммуна и церковь» (1931). Последние книги занимают особое место в судьбе ученого. Изданные под псевдонимом Михайлов массовым (до 10 тыс. экз.) тиражом, в издательствах «Атеист», «Безбожник», порой под грифом Центрального совета воинствующих безбожников СССР и с эпиграфом «религия – дурман для народа», наконец, с уведомлением о полезности, «в первую очередь, для практика-антирелигиозника»², они выглядят данью антирелигиозной кампании, развернутой в рамках «наступления на всех фронтах».

Было ли это «хобби» для Захера, как предположил его сын? Вспоминая детство, Юрий Яковлевич писал о вольтерьянском духе в семье, о шутках знакомых над священниками и религиозностью, которые он повторял и которые очень огорчали его няnek. Юрий Яковлевич советовал мне не включать религиозную тематику в список трудов Я.М. для заметки в БСЭ³.

Считаю решающим, однако, мнение самого ученого. Когда я занялся вплотную эбертистами, он порекомендовал мне эти книги для характеристики их антирелигиозной деятельности⁴. В 1960 г. Захер предложил для серии научно-популярной литературы Издательства Академии наук переиздание книги «Парижская Коммуна и церковь». Редколлегия утвердила проект (при сокращении с предложенных 10 до 6 а. л.). Ученому был выслан издательский договор. Однако у него, занятого тяжелой работой с Соцэргизом над рукописью «Движения “бешеных”», уже не было сил. Под уведомлением Издательства АН приписка рукой сына: «предложить М.Я. Домничу редактировать переиздание»⁵. Символично, что

¹ В отзыве о работе Я.М. в СКПИ (Вологда) говорилось, что 11 мая 1931 г. (после программного заседания в Ленинграде, освещенного в книге Зайделя-Цвибака) на общем собрании студенчества института Захер «выступил с докладом на тему “О моих ошибках”». «Ошибки» были названы, вскрыты «социальные корни». А также: «При проработке учебного материала со студенчеством проф. Захером, после дискуссии на историческом фронте, всегда указывались свои ошибки и давалась этим ошибкам критика» (см. Золотарев В.П. Указ. соч. С. 192).

² Захер Я.М. (Я. Михайлов). Великая французская революция и церковь. Т. 1. М., 1930. С. 3.

³ Ю.Я. Захер – А.В. Гордону. 26 октября 1971 г. (Здесь и далее письма Ю.Я. и Я.М. ко мне приводятся из моего архива).

⁴ Я.М. Захер – А.В. Гордону. 7 апр. 1960.

⁵ Выписка из протокола заседания редколлегии научно-популярной литературы АН СССР от 7 октября 1960 г.; сопроводительная о направлении двух экз. издательского договора. 7 декабря 1960 г.

единственный из сохранившихся учеников Захера 1930-х гг. Марк Яковлевич Домнич продолжил именно это направление исследований.

Наиболее крупная из книг по религиозной тематике, двухтомник «Великая французская революция и церковь» – солидный и подлинно научный труд, основанный на широком знакомстве с литературой вопроса и, как отмечал автор, на интенсивном привлечении «печатных первоисточников». Захер превосходно понимал сложность отношений с католической церковью в революционную эпоху (повествование доводилось до Наполеоновского конкордата) и, допуская, что в его работе могут оказаться «многочисленные недостатки», заранее благодарил «за всякую критику и помощь при разрешении стоявших перед ним сложных и порой запутанных проблем»¹.

В целом труд соответствует тенденциям в мировой историографии того времени, заданным работами Альфонса Олара. Думается, именно обращение Захера к творчеству этого выдающегося французского историка стало для него своеобразной инициацией в области религиозной истории: в 1925 г. Я.М. написал предисловие к переведенной на русский язык книге Олара «Культ разума и культ Верховного существа». При всех экскурсах в сторону классового подхода двухтомник следовал в русле французской историографии времен Третьей республики, когда утверждались принципы свободы совести, отделения церкви от государства и школы.

Что же касается книги о Шометте, то в ней лишь один из разделов посвящен дехристианизаторской деятельности руководителя Парижской коммуны, а в целом перед нами биография этого левого якобинца, до сих пор остающаяся, кстати, единственной монографией о нем на русском языке. Не случайно именно ее, наряду с «Бешеными», Захер стремился переиздать после возвращения из ГУЛАГа.

Мотивируя необходимость второго издания, Захер отмечал отсутствие специальной литературы, книг или статей о Шометте за прошедшие три десятилетия и то, что автор предлагает читателю «пересмотр... старого содержания с точки зрения новых, во многом изменившихся, установок автора»². По религиозной тематике он в этот период опубликовал лишь подготовленную еще в 30-е гг. статью о дехристианизаторской деятельности Фуше, который выступал одним из застрельщиков этой кампании и оказал влияние на Шометта.

После 1931 г. наступил спад. В.П. Золотарев подсчитал: в 1921–1930 гг. Захером опубликовано 73 работы, в 1931–1938 гг. – 9³. В середине

¹ Захер Я.М. Великая французская революция и церковь. Т. 1. С. 3.

² Предисловие ко второму изданию. Подписано – Автор. Ленинград, декабрь 1958 г.

³ Золотарев В.П. Указ. соч. С. 192.

30-х гг. и у научного сообщества, и у Захера забрезжила надежда на то, что худшее позади. Я.М. вернулся в 1936 г. профессором на родной ист-фак, стал готовить докторскую диссертацию. «Афины и Апокалипсис»¹ назвал тот период ленинградский профессор Я.С. Лурье: «Афины» – восстановление исторического образования, «Апокалипсис» – Большой террор. Есть еще один яркий образ, иллюстрирующий судьбы творческой интеллигенции при деспотических режимах – «анаконда на люстре»².

На рассвете 8 октября 1938 г. семейство Захера, проживавшее все на той же Моховой³, было разбужено сотрудниками НКВД: Я.М. арестовали. Привлекли его по делу «антисоветского меньшевистского центра» в соответствии с показаниями, выбитыми (в буквальном смысле⁴) у его друзей – «тенишевца», медиевиста Николая Николаевича Розенталя и профессора истории древнего мира Сергея Ивановича Ковалева⁵. Не случайно вторым названием процесса стало «дело профессоров». Перед военным (!) трибуналом предстали, кроме Я.М. Захера и С.И. Ковалева, еще пять преподавателей истории ленинградских вузов: А.Н. Шебунин, М.Н. Мартынов, С.В. Вознесенский, Н.Н. Андреев и А.М. Розенберг.

Любопытно, что признавшие свою принадлежность к «меньшевистскому центру» и давшие показания на Захера были освобождены либо до суда (Н.Н. Розенталь), либо после него (С.И. Ковалев). С.В. Вознесенский скончался в заключении. М.Н. Мартынов, Н.Н. Андреев и А.М. Розенберг были освобождены, а Я.М. Захер и Андрей Николаевич Шебунин осуждены.

Тут кроется загадка. Захер состоял в РСДРП(м) около полугода (1917/1918). Почему он был признан следствием «активным меньшеви-

¹ Memoriam: Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 148.

² Link P. China: The Anaconda in the Chandelier // The New York Review of Books . 2005. May 27. <http://www.nybooks.com/articles/archives/2002/apr/11/china-the-anaconda-in-the-chandelier/>

³ Эта десятикомнатная квартира на Моховой, 28, некогда целиком принадлежала отцу Я.М., а после «уплотнения» Захерам оставили лишь кабинет отца (примерно 30 кв. м). Здесь к моменту ареста проживали, кроме Я.М., его 76-летний отец, 64-летняя мать, жена и двое детей – Юрий 11 лет и Наташа 8 лет (Брачев В.С. Указ. соч. С. 43).

⁴ Людмила Николаевна Русак рассказывала, что однажды увидела покрытую шрамами спину Я.М., и он объяснил, что это следы побоев, полученных им в ходе следствия.

⁵ Тем не менее они остались друзьями до конца жизни. Из письма Я.М.: «Прошедшие две недели были для меня очень тяжелыми. 7/ХI скончался в Москве мой старый друг Н.Н. Розенталь, а 11/ХI умер С.И. Ковалев» (Я.М. Захер – А.В. Гордону, 23 ноября 1960 г.). Дата смерти последнего – 12 ноября. Сергей Иванович преподавал с 1919 г. в том же военно-политическом учреждении РККА, что и Захер. Связи были старые, в том числе семейные: мама Я.М. общалась с Ковалевыми после его осуждения. Семейное общение было с профессором ЛГУ медиевистом Александром Михайловичем Розенбергом и его женой, а также с Михаилом Николаевичем Мартыновым, с которым я познакомился на квартире Я.М. в Петергофе. Архангелогородец Мартынов, сын купца из Соломбалы, профессор русской истории, пережил всех «подельников». Умер в 1970 г. См.: <http://dojkov.livejournal.com/15164.html>.

ком», заодно с Шебуниным, состоявшим в организации меньшевиков с момента раскола РСДРП и вплоть до разгрома 1918 г.? И почему, заодно с Шебуниным, уже имевшим политическую судимость по «Академическому делу»¹, именно Захер был признан «социально опасным»? В сущности, фабрикация дела «меньшевистского центра» началась с ареста Шебунина 10 февраля 1938 г., а затем уже после ареста остальных «профессоров-меньшевиков», через целых 8 месяцев (по тем временам срок чрезвычайный) затронула Захера. Связь Я.М. с Шебуниным следствием не акцентировалась².

Любопытно, что, доказывая «контрреволюционность» Захера, следствие заинтересовалось инцидентом 1929 г., свидетелем которого он был в связи с Тарле. Между тем Евгений Викторович уже был к тому времени возвращен из ссылки и обласкан властями, получив апартаменты в Ленинграде и Москве и будучи восстановлен в должности университетского профессора и в звании академика³.

И В.П. Золотарев, и В.С. Брачев выделяют в качестве отягчающего для Я.М. показание на суде доцента, заместителя декана истфака ЛГУ М.М. Малкина о том, что Захер определял якобинскую диктатуру как «мелкобуржуазную» и объяснял термидорианский переворот тем, что Робеспьер потерял поддержку народных масс. Все квалифицировалось как «фальсификация истории», которая «необходима была троцкистам для контрабандной борьбы против Ленинско-Сталинского руководства»⁴.

Молодой, быстро выдвинувшийся из аспирантов 1934 г. Марк Моисеевич Малкин, несомненно, обладал научными способностями. Его монография «Гражданская война в США и царская Россия» (1939) до сих пор оценивается положительно⁵. Ответственный редактор Тарле снабдил книгу предисловием с пожеланием скорейшего перевода на английский язык.

¹ Шебунин участвовал в разборе рукописных собраний и личных библиотек императорского дома, а эта деятельность стала одним из мотивов для возбуждения «Академического дела». См.: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период – <http://vostokoved.academic.ru/>.

² Между тем они были давно и неплохо знакомы, судя хотя бы по тому, что Я.М. написал предисловие к важнейшему труду Шебунина «Европейская контрреволюция в первой половине XIX века» (1925). Можно было копнуть и поглубже: в 1917 г. Шебунин состоял в той же плехановской группе «Единство». – *Каганович Б.С.* Андрей Николаевич Шебунин (1887–1940) // *НиНИ.* 1995. № 1. С. 206.

³ Есть также свидетельство Р.В. Иванова-Разумника о том, что на следствии 1937–1938 гг. от него требовали показаний против Тарле (см.: *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле... С. 232).

⁴ *Золотарев В.П.* Указ. соч. С. 194; *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 44.

⁵ См. об этом: *Носков В.В.* Первые шаги американистики в Ленинграде // *Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник.* СПб., 2008. С. 270–273. Характерно, однако, что книга 1939 г. осталась единственной монографией в профессиональной и весьма благополучной карьере автора.

Не стоит гадать, знал ли академик, что его протеже пожелал продемонстрировать свою политическую лояльность за счет коллеги. Факт состоит в том, что Тарле не попытался помочь человеку, с которым работал бок о бок больше десятка лет, хотя «общее прекрасное» к нему (по его словам) отношение позволяло обращаться во все инстанции, вплоть до генерального прокурора СССР¹. Б.С. Каганович считает, что у Тарле сохранялись претензии к Захеру как вместе со Щеголевым «отрекшемуся» от него². Биограф обращает внимание на отказ Тарле под надуманным предлогом упоминать книги Захера и Щеголева во введении к своей монографии «Жерминаль и прериаль» (1937).

Между тем Захер (Щеголев скончался в 1936 г.) никогда не переставал ссылаться на труды академика, а мне рекомендовал упомянутую монографию (разделы о термидорианских лидерах и «последних монтаньярах») как образец раскрытия человеческих характеров в историческом произведении. Симптоматично, что у Я.М. сохранились дружеские отношения с Павлом Павловичем Щеголевым, хотя тот, заодно с Г.С. Зайделем и Л.Г. Райским, а то и острее их, изобличал Захера на знаменитом собрании, где громили «школу Тарле»³. Замечание Б.С. Кагановича, безусловно, существенное для личностной оценки Тарле, не вполне все-таки объясняет позицию академика в «деле профессоров». Имеются ли свидетельства о защите им, например, Шебунина, который от Тарле не «отрекался»?

Каким дьявольским все же сплетением обстоятельств отразились в жизни советских людей, в судьбах ученых непрерывно следовавшие одна за другой политические кампании, которые сопровождали утверждение режима личной диктатуры! Подопечный Тарле конца 30-х гг. «добивал» Захера теми же обвинениями, что десятилетием раньше звучали при погроме «школы Тарле». Различие научных позиций превращалось в политическое обвинение, неортодоксальность – в предмет уголовного преследования.

Что же касается приговора Захеру, то А.И. Молок, по словам его сына Флуранса, выдвигал свою версию. Будучи широкой натурой Я.М. любил компанию с хорошим вином⁴, был курильщиком⁵. Общительность Я.М.

¹ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле... С. 230–231.

² Там же. С. 184.

³ Сохранилась в библиотеке Я.М. книга Щеголева «Грахх Бабеф» из серии ЖЗЛ с надписью «Дорогому Якову Михайловичу Захеру – с надеждой на эквивалент». 6.10.1933 г.». Имелись у Я.М. и выписки из документов Национального архива Франции, сделанные для него Щеголевым.

⁴ Я.М. вспоминал, какое славное французское вино водилось у Тарле, а сын, сообщая отцу о своей свадьбе, отмечал, что вина было немного: «ты мог бы все поглотить один» (Ю.Я. Захер – Я.М. Захеру. 22 июля 1956 г.).

⁵ Сохранилось фото 30-х гг. профессора с трубкой. А Людмила Николаевна рассказывала, что это пристрастие сохранилось у Я.М. и в последние годы. Она помнит приятный запах «капитанского» табака, за которым тот ездил на Невский в специализированный магазин.

оборачивалась открытостью его дома, в том числе для сомнительных порой личностей, и откровенностью происходивших разговоров. «Много болтали», – резюмировал Александр Иванович.

Он тоже давал показания на суде, упоминая о конфликте 1929 г. Тем не менее, Молок представил в судебные органы положительную характеристику профессора своей кафедры: «Знаю Я.М. Захера в течение многих лет как советского гражданина и научного работника, специалиста в области новой истории. Я.М. Захер – автор ряда печатных работ по истории французской революции XVIII века... Вел большую преподавательскую работу в вузах и пользовался успехом как хороший преподаватель и квалифицированный историк... 11 лет тому назад (в начале 1929 г.) между нами произошел разрыв... В 1933 г., после того как он осознал и признал свою вину, мы стали снова встречаться с ним... Это человек, могущий принести большую пользу как профессор и научный работник. Я убежден, что он неспособен на антисоветские действия»¹.

С Молоком был солидарен другой «начальник» Захера декан истфака пединститута им. Герцена А.Е. Кудрявцев. В его пространном заявлении подчеркивалось, что Я.М. «пользовался большим авторитетом среди студентов и аспирантов, уважением со стороны своих товарищей по работе, всего профессорско-преподавательского состава факультета», что он подготовил «ряд учеников и аспирантов», ставших «самостоятельными научными работниками», и «был хорошим, очень активным общественником, горячо отзывавшимся на текущие политические вопросы». В доказательство профессор ссылался на отзывы факультетской стенгазеты и вспоминал, что в связи со сдачей норм на значок «Ворошиловский стрелок» в ней был помещен портрет Захера.

«Яков Михайлович, – продолжал Александр Евгеньевич Кудрявцев, – превосходный яркий лектор», всегда пользовавшийся «громкой популярностью среди студентов». При этом «ничего антисоветского в его педагогической работе обнаружено не было». Ссылаясь на «20 лет совместной работы», декан истфака делал вывод: «Я лично глубоко убежден, что Як. Мих. честный советский историк, плодотворно работавший на благо советской науки и нашей страны»².

На стенгазету (о времена!) истфака Института Герцена ссылался и зав. кафедрой Древнего мира академик В.В. Струве, сделав вывод, что Захер «был студенчеством оценен положительно». «Его курсы были до-

¹ Копия заявления А.И. Молока, датированного 8 апреля 1940 г.

² Копия заявления А.Е. Кудрявцева, датированного 27 апреля 1940 г.

ходчивы, содержательны и стояли методологически на должной высоте. Свои практические занятия проф. Захер проводил добросовестно, приучая студентов к методической работе над источником». «Я полагаю, – заключал академик, – что привлечение проф. Захер... принесет пользу важному делу преподавания истории в наших вузах»¹.

Заведующий кафедрой средних веков истфака ЛГУ О.Л. Вайнштейн тоже высоко оценивал преподавательскую деятельность Захера: «прекрасный лектор, дающий всегда ясные отчетливые формулировки, умеющий заинтересовать своих слушателей». Оценив Я.М. как «большого знатока той эпохи, которой он посвятил большую часть своей ученой жизни», Вайнштейн характеризовал Захера как «историка-марксиста». Упомянув о личном знакомстве на Всесоюзной конференции историков-марксистов, Вайнштейн продолжал: «Его труды, несмотря на наличие некоторых ошибок, отличаются большой самостоятельностью, прекрасным знанием источников, стремлением применить к исследовательской работе принципы марксистско-ленинской методологии»².

Характеристики с мест работы, затребованные следствием, – прав В.П. Золотарев, – «открывают новые грани характеров» советских историков, несмотря на все страхи, осмелившихся прийти на помощь товарищу³. Выделяются отзывы Молока и Кудрявцева, начисто отвергающие и опровергающие обвинения в антисоветской деятельности. Вайнштейн и Струве, не касаясь политических обвинений, сосредоточились на профессиональной деятельности Захера. И все же это многозначный факт, ведь оба, особенно Василий Васильевич (до августа 1914 г. Вильгельм Вильгельмович), были известны сугубой осторожностью; но, как вспоминает о Струве К.А. Антонова, защита «чести и достоинства человека»⁴ была для этих ученых не пустым звуком.

Именно экстремальность обстоятельств высвечивает между тем те черты Захера, которые стали к тому времени квинтэссенцией мнения научного сообщества: замечательный лектор, талантливый педагог-воспитатель научной молодежи, наконец, крупный специалист-исследователь.

Все это судьи не приняли во внимание. Особым совещанием при НКВД СССР Я.М. был 19 октября 1940 г. осужден на 8 лет по статьям,

¹ Характеристика преподавательской деятельности профессора Якова Михайловича Захера. Копия. Дата – 8 апреля 1940 г.

² Характеристика Я.М. Захера. Копия. Датирована 28 апреля 1940 г.

³ В.П. Золотарев привел выразительные выдержки на основании оригиналов из следственного дела (Золотарев В.П. Указ. соч. С. 195).

⁴ «В России надо жить долго...»: Памяти К.А. Антоновой (1910–2007). М., 2010. С. 82.

карающим «контрреволюционную деятельность»¹. В 1943 г. Красноярский суд ему добавил еще 10 лет с последующим поражением в правах на 5 лет, а в мае 1951 г. директивой МГБ и прокуратуры СССР он был определен на бессрочную ссылку все в том же Красноярском крае. Его статус был отчасти легализован. Он получил трудовую книжку, где говорилось о зачислении экономистом-статистиком в Ангарский механизированный лесопункт Богучанского леспромхоза треста Енисейсклес².

«Так бы, наверное, – замечает В.С.Брачев, – и сгинул здесь Яков Михайлович, если бы не смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. и произошедшие в связи с этим перемены в стране»³.хлопоты об освобождении сына предприняла Ольга Григорьевна. Она направила внучку Наташу к школьному товарищу Я.М. (думается хорошо ей знакомому со времен Тенишевки) Д.В. Скобельцыну. У того, физика-ядерщика, директора Физического института АН был серьезный общественный статус депутата Верховного совета РСФСР (а с 1954 г. – депутата ВС СССР), председателя Международного комитета по сталинским (ленинским) премиям. Дмитрий Владимирович посоветовал, по словам Натальи Яковлевны, направить на его имя прошение о помиловании Я.М. «в связи с преклонным возрастом и резким ухудшением здоровья»⁴.

Депутатский запрос при спаде террористической волны (прекращение «дела врачей») и начавшейся чистке репрессивных органов возымел действие. «В связи с Вашим заявлением, – писал Д.В. Скобельцын Ольге Григорьевне, – я обратился в начале мая с просьбой удовлетворить Ваше ходатайство. Вчера я получил извещение, что Ваше ходатайство удовлетворено»⁵.

Весть об освобождении Я.М. была встречена как нечто сверхъестественное, даже самые близкие не могли поверить в такую возможность. 15 лет ждали, что справедливость восторжествует. Ждали, верили и... не верили! Юрий Яковлевич говорил, что только приезд отца в Ленинград убедит его в реальности произошедшего. И даже, получив телеграмму бабушки, пишет отцу из Петрозаводска: не поверю, «пока лично не увижу тебя в Ленинграде»⁶.

¹ «Хотя, – признавалось при пересмотре дела, – следствию и не удалось доказать принадлежность Шебунина и Захера к меньшевистскому центру, однако из материала следствия явствует, что Шебунин А.Н. и Захер Я.М. на протяжении длительного времени вели активную контрреволюционную деятельность» (Брачев В.С. Указ. соч. 44).

² Там же говорилось об увольнении по собственному желанию 27 июля 1953 г.

³ Брачев В.С. Указ. соч. С. 44.

⁴ Цит. по: Золотарев В.П. Указ. соч. С. 194.

⁵ Д.В. Скобельцын – О.Г. Захер, 23 июня 1953 г. На бланке депутата ВС РСФСР.

⁶ Ю.Я. Захер – Я.М. Захеру. 4 августа 1953 г.

Освобождение было половинчатым. Режим сохранялся, в том числе режим прописки. Захер должен был уехать из Ленинграда, да и о любимой работе пришлось забыть еще на долгих три года (из десяти, которые ему осталось жить). Юрий Яковлевич предвидел такой вариант и начал тотчас наводить справки в Петрозаводске, где работал врачом поликлиники. «Тебя могут тут прописать», – заверил он отца. Нашел и работу статистиком медучета¹. Так профессор Захер стал трудиться клерком советского здравоохранения. Здесь же он познакомился с медсестрой Зоей Ивановной Клопихиной, которая сделалась спутницей последних лет его жизни.

Я.М. настойчиво искал возможности вернуться к профессии, однако попытка, предпринятая осенью 1954 г., стать лектором Общества по распространению политических и научных знаний² успехом не увенчалась, и Захер обратился к Скобельцыну. Чего это стоило ему, нетрудно догадаться. Судимый и ссыльный, пораженный в гражданских правах, Я.М. крайне тяготился своим положением. Юрий Яковлевич внушал ему, что для трудоустройства по специальности нужно возобновить старые связи. «Почему, например, ты не хочешь повидать А.М. Розенберга. Уж его-то, кажется, тебе нечего стесняться»³, – писал он отцу, намекая на то, что оба были судимы по одному и тому же делу.

В обращении к Скобельцыну его тоже ждала неудача. Узнав об этом, Ольга Григорьевна с присущей ей прямоотой отчитала сына и внука: «Я заранее могла предсказать результаты, потому что по манере письма могла определить характер Скобельцына. И когда благодарила, тоже держалась в этих пределах. И он очень достойно, сдержанно отвечал... Помоему бестактно было к нему обращаться». Он свое дело сделал: «выручил, на удивление всем». Но, полагала Ольга Григорьевна, «он потому решился тогда хлопотать [об освобождении Я.М.]... что мать просит, а не он сам».

Изрядное понимание советских нравов для человека с классическим (судя по письмам, гимназическим) образованием и дореволюционным формированием! В свои 80 с лишним лет и после всех выпавших на ее долю испытаний Ольга Григорьевна сохраняла, кроме редкой проницательности, еще и замечательную силу духа. Вот еще фраза по поводу обращения к Скобельцыну, характеризующая мать Я.М.: «Заранее мож-

¹ Ю.Я. Захер – Я.М. Захеру. 16 августа 1953 г.

² В архиве Я.М. Захера сохранились заверенные заявления А.И. Молока и Н.Н. Розенталя, рекомендовавших привлечь его к научно-атеистической пропаганде по линии Общества.

³ Ю.Я. Захер – Я.М. Захеру. 10 августа 1953 г. Ю.Я. не учитывал, что отец, возможно, не хотел и дискредитировать своих коллег общением с ним.

но было сказать, что из этого ничего не выйдет; зачем же было терять свое достоинство и унижаться»¹.

Лишь после XX съезда КПСС Захер получил возможность вернуться к профессиональной деятельности. Переживший смерть вождя режим, правда, не спешил с покаянием перед своими жертвами. 13 июля сын поздравляет его с «полной реабилитацией», а спустя месяц пишет: «Ты на пороге четвертой (за три года) попытки обосноваться в Ленинграде. Я как всегда буду призывать тебя к осторожности. Кажется, теперь шансов больше»². Еще в мае 1956 г. Я.М. задумывал отправиться «куда-нибудь на периферию»³. Тем не менее, он начинает готовиться к преподаванию. В письмах Юрия Яковлевича появляются сообщения о приобретении книг и отправке их отцу в Петрозаводск, тогда как ранее речь (в его и Ольги Григорьевны письмах) шла об их продаже⁴.

Все-таки «имя и положение» Я.М. (говоря словами сына) повлияло на органы, ведавшие пропиской. Уже 21 мая 1956 г. его восстановили в статусе профессора⁵. Ходатайство поддержали академик А.М. Панкратова, члены-корреспонденты М.В. Нечкина и Ф.В. Потемкин, А.И. Молок. Наиболее обстоятельным был отзыв Панкратовой. Анна Михайловна, знавшая Я.М. со времен РАНИОН, представила подробный послужной список Захера. Отметила «большой успех у слушателей благодаря научности содержания и четкости и ясности изложения». А основное внимание уделяла научной деятельности. Подчеркнув, что все труды Захера по Французской революции «представляют значительный научный вклад в марксистскую историографию этой эпохи», Панкратова особо отметила изучение им «крайне левого крыла французской революционной демократии» и монографию «Бешеные» как основанную «главным образом на неопубликованных документах» и «единственное в русской и советской научной литературе капитальное исследование о жизни, деятельности и идеологии Жака Ру и других представителей французских плебейских масс конца XVIII века».

Выделяла Панкратова еще двухтомник «Французская революция и церковь» как «исследование о борьбе французских буржуазных революционеров с католической церковью и контрреволюционным духовен-

¹ О.Г. Захер – Я.М. Захеру и Ю.Я. Захеру. 27 октября [1954 г.].

² Ю.Я. Захер – Я.М. Захеру. 16 августа 1956 г.

³ Ю.Я. Захер – Я.М. Захеру. 4 мая 1956 г.

⁴ В тех же письмах говорится о продаже мебели, посуды и даже одежды. У Я.М. остался один костюм, а приобретение пальто из-за скудных ресурсов растянулось на многие месяцы.

⁵ В документе ВАК приводилось решение Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР от 1 октября 1927 г. об утверждении Захера профессором по «кафедре всеобщая история».

ством» и «частично основанную на неопубликованных документах» книгу о Шометте. Упомянула «основанную на печатных первоисточниках» книгу о 9 термидоре (1926) и «научно-популярные монографии» о секциях, Сен-Жюсте и Робеспьере.

«Как видно из всего вышеизложенного, – заключала Анна Михайловна, – я считаю, что Я.М. Захер имеет все основания быть утвержденным в звании профессора новой истории»¹. Анну Михайловну поддержала Милица Васильевна Нечкина: «Я давно знаю Якова Михайловича Захера как квалифицированного историка, большого специалиста по новой истории зарубежных стран... Работая в области истории России конца XVIII – нач. XIX века, я постоянно пользуюсь его работами, нужными мне для сопоставлений. Как многолетняя исследовательская работа, так и длительный педагогический труд в высшей школе дают Якову Михайловичу Захеру, на мой взгляд, несомненное право на получение звание профессора»². Молок подчеркивал: «За время своей педагогической работы Я.М. Захер подготовил ряд аспирантов, которые ведут преподавательскую работу в вузах»³.

Просьбу Захера о присвоении звания профессора поддержало и министерство просвещения РСФСР. В отношении заместителя министра А. Арсеньева на имя ученого секретаря ВАК И.П. Горшкова от 21 мая 1956 г. говорилось: «Исходя из наличия у тов. Я.М. Захера печатных научных трудов⁴ и длительного педагогического стажа в высших учебных заведениях, министерство просвещения РСФСР считает возможным ставить вопрос о присвоении ему ученого звания профессора без защиты докторской диссертации». Осенью 1956 г. он вернулся в университет, где начал читать спецкурс и вести семинар по истории Французской революции.

По возвращении в родной город Захер с женой и падчерицей поселился на Пороховых, фабричной окраине, получившей свое название от Охтинского порохового завода. Завод работал даже во время блокады, и округа изрядно пострадала от обстрелов. Хотя прошло более 10 лет, эта часть города, по моим воспоминаниям, производила впечатление густонаселенной деревни. Комнату в одной из изб с печкой и отдельным вхо-

¹ Отзыв о научно-педагогической работе профессора Я.М. Захера, подписанный собственноручно А.М. Панкратовой 16 мая 1956 г. в двух печатных экземплярах.

² О научной и педагогической деятельности проф. Якова Михайловича Захера. Рукопись с заверенной подписью М.В. Нечкиной и датой 21 мая 1956 г.

³ Характеристика научной и педагогической деятельности Я.М. Захера. Машинописный текст с заверенной в Институте истории АН подписью А.И. Молока. 19 мая 1956 г.

⁴ Конкретно упоминались «Бешеные» с «неопубликованными документами Парижского национального архива» и «Французская революция и церковь».

дом снимала семья Я.М. Через год ему дали двухкомнатную квартиру в Новом Петергофе, в трехэтажном доме на улице Аврова. Там все дышало уютом, было светло и тепло. Я.М. собрал, наконец, у себя свою обширную, хотя и заметно пострадавшую, библиотеку.

Была, правда, сложность с транспортом: переполненные автобусы, электричка, Балтийский вокзал и через полгорода на Васильевский. Однако никаких жалоб по этому поводу я от Я.М. не слышал. Можно было работать, только сил оставалось немного, в свои 60 с небольшим лет профессор выглядел, по моим студенческим впечатлениям, старцем.

Люди «оттуда» для студентов, переживших XX съезд, обладали особой харизмой. «Якова Михайловича я приняла вначале эмоционально, – вспоминает многолетний преподаватель Вятского государственного университета и моя однокашница Тамара Альбертовна Воробьева (в студенчестве Листак). – Я считала, что справедливость должна быть восстановлена и уговорила своих подруг записаться в спецсеминар и спецкурс Захера. Я. М. предложил мне тему развитие республиканских идей на основе изучения текстов Камилла Демулена и начать с книги А. Олара “Политическая история Французской революции”. А потом на смену эмоций пришло глубочайшее почтение к этому человеку, которое я сохранила до сегодняшнего дня. Я думаю, что основы своей профессии историка я получила именно у него»¹.

Для меня выбор руководителя был продиктован скорее прагматичными соображениями. Будучи «англофоном», я пошел на кафедру новой истории заниматься Британией. Но вмешались другие соображения. Первым учителем науки истории для меня стал Сигизмунд Натанович Валк, что позволило мне по достоинству оценить то методическое руководство, которое было характерно для профессоров старой университетской школы. На кафедре новой истории специалистов такого класса не было, появление ученого «старой школы», каким с очевидностью представлялся Захер, определило мой выбор.

Как научный руководитель Захер значительно отличался от Валка с его придирчивостью к написанному тексту и озабоченностью тщательной его шлифовкой. У Я.М. главное внимание было обращено на предшествовавший этап. Помнится, еще до представления своей дипломной работы я услышал от него ее оценку. В ответ на мое «Вы же ее не видели» Я.М. произнес фразу, которая меня еще более удивила: «А это не важно. Я знаю, как Вы работали».

¹ Т.А. Воробьева – А.В. Гордону. 7 марта 2014 г.

С первой курсовой у Захера я был самостоятелен. Профессор как бы забыл о своем увлечении дипломатической историей¹. Когда я предложил тему «Обстоятельства вступления Англии в войну с революционной Францией», Я.М. искренне удивился. Он допускал, что разработка темы может быть продолжена вплоть до дипломной работы; но серьезных научных перспектив не видел. «Неужели Вам интересна внешняя политика?», – спросил он, повергнув меня в смятение, ведь вся наша кафедра во главе с ее заведующим В.Г. Ревуненковым была повернута в эту сторону, и у моих друзей из группы обаяние внешней политики было повальным, да и для меня знакомство еще в шестом классе школы с 1-м (и лучшим!) томом трилогии «История дипломатии» определило увлечение наукой истории.

Ознакомившись с курсовой, Я.М. похвалил²; и следующую тему предложил уже он – «Конституция 1793 г. и революционный порядок управления во Франции». Рекомендовал литературу, в том числе книгу Доналда Грира «Social incidence of the terroг» (десять лет спустя за нее ухватился Ревуненков, доказывая антинародность якобинской диктатуры). Она, наряду с работами Сириша, Бринтона и Собуля о социальном составе низовых органов революционного порядка управления, заставила меня задуматься о «сущности якобинского демократизма» (формулировка из дневника). Штудирование классиков марксизма убедило лишь в том, что противоречивость их высказываний нашла отражение в «известных колебаниях нашей исторической литературы»³.

В такой момент у меня состоялась запомнившаяся беседа с Я.М. Это было на истфаке 18 апреля 1958 г. Он приехал из Москвы и «производил чудесное впечатление своей вдохновенностью». 40-минутная беседа «повному осветила некоторые вопросы», а главное «вскрыла сумбур и бедность моих познаний и вызвала острую жажду их расширения и углубления». Получив «сильный импульс», ощутив «стремление немедленно взяться за работу по-настоящему», я за десять дней написал тезисы и отправился в Петергоф.

Я.М. плохо себя чувствовал, большей частью лежал, тем не менее, уделил беседе часа полтора. При этом мы «немного подискутировали» по составу народных обществ и датировке формирования революционного порядка управления, и во втором случае я остался при своем (я счи-

¹ Нечто подобное произошло с футболом. Как-то я упомянул, что играю в факультетской команде. Я.М. пришел в восторг: «Зоя, – позвал он жену. – Ты посмотри! Александр Владимирович, оказывается, футболист. Как можно бить головой, которой нужно думать, по мячу?» Спустя годы и годы Зоя Ивановна показывала мне семейный альбом, где на одном из фото Я.М. был заснят в составе школьной футбольной команды.

² Запись в моем дневнике 10 ноября 1957 г.

³ Запись 5 сентября 1958 г.

тал, что этот процесс начался весной¹, а не в сентябре 1793 г.). Обсудили мы и мои методологические затруднения².

Входил Я.М. в рассмотрение и моих чисто юношеских вопросов о «герое». Вопреки моему ожиданию, для него это был отнюдь не Жак Ру. У Робеспьера его в личностном плане раздражали менторство, ригоризм и *self-rightness*, как определил близкий Я.М. по духу профессор Оксфордского университета и его тогдашний корреспондент Ричард Кобб. У Сен-Жюста, которому я симпатизировал, – холодность, безразличие к чувствам людей и их судьбам. Импонировал моему учителю лишь Дантон своей цельностью, широтой и открытостью.

Но об этом революционном деятеле, которого советская историография и общественное мнение осуждали за оппортунизм, Я.М. написал лишь заметку в Малую советскую энциклопедию (т. 2. 1929), где подчеркивал заслуги Дантона на посту министра юстиции в отпоре «внутренней и внешней контрреволюции». Одновременно ненавязчиво проводилась мысль об оппортунизме и давалась классовая оценка в духе Кунова: «Д[антон]. и дантониисты отражали преимущественно интересы крупнобуржуазной интеллигенции и, отчасти (!), образовавшейся во время революции “новой” буржуазии».

Весной 1958 г. начался кульминационный этап моего общения с университетским руководителем. Курсовую о революционном порядке управления он одобрил: «А.В. Гордон добросовестно и глубоко использовал находившиеся в его распоряжении русские, английские и французские источники... Работа написана на уровне дипломной». Однако для дипломной требовался перенос акцента именно на французские источники, и Я.М. посоветовал мне летом почитать Дюма. А в качестве темы предложил подумать о «борьбе санкюлотов против революционного порядка управления»³.

Такое предложение было всецело в русле мыслей моего руководителя. В силу опасных аналогий тема термидорианского переворота с конца 20-х годов была закрыта для исследования, но имплицитно Захер оставался верен ей: от брошюры «9 термидора» (1926) до последней крупной работы «Плебейская оппозиция накануне 9 термидора» (1962). Упрощая, можно сказать, он делил историю диктатуры на два этапа – восходящую линию (сентябрь 1793 – весна 1794 гг.) и нисходящую, связанную с подавлением активности секций, репрессиями против выразителей интересов плебейства и отходом городских низов и крестьянства от диктатуры.

¹ Эту позицию я потом отстаивал и в своей диссертации «Установление якобинской диктатуры».

² Запись 5 сентября 1958 г.

³ Запись 7 сентября 1958 г.

Происходило «перерождение террора»¹, революционный порядок управления превращался в «автократическую диктатуру»². Переломным моментом выглядела весна 1794 г., когда начала сказываться «усталость» масс от террора, явившаяся, считал Я.М., одной из причин поражения эбертистов³.

Мы решили сосредоточиться именно на эбертистах, поскольку, как говаривал Захер, после разгрома «бешеных» те были единственными, кто худо ли хорошо представлял интересы «плебейских масс»⁴. При этом предложил заняться процессом над эбертистами. Однако знакомство с материалами процесса повергло меня в смятение: формулировка обвинений была всецело рассчитано на *complicité morale* присяжных Ревтрибунала, а распространенная в литературе (до сих пор) версия о «восстании» эбертистов не подтверждалась даже обвинительным актом.

И я, наверняка, с ведома Я.М. и, безусловно, в духе его размышлений, начал собирать материалы о «падении эбертистов»⁵, причем обвинения Фукье-Тенвиля явились для меня ориентирами в поиске их «базы», каковой оказались тревожные слухи, гулявшие в тот момент по Парижу. Вымыслы обвинения, как я понял, отражали стремление якобинского руководства манипулировать массовыми настроениями. Позднее я получил от Я.М. совет продолжить взятое направление: «Вы могли бы написать очень интересную статью о так называемом “восстании эбертистов”, в которой, конечно, доказали бы, что такого восстания в действительности не предвиделось, а имелись только разговоры о восстании, ловко раздутые и преувеличенные в провокационных целях робеспьеристами»⁶.

А диплому дал высокую оценку: «Самая тема дипломной работы А.В. Гордона... уже в большой степени предопределила необходимость для автора идти по пути самостоятельного разрешения большинства затрагиваемых им вопросов». Соответственно дипломная работа была квалифицирована как «первый опыт» самостоятельной научной работы. На

¹ Я.М. Захер – А.В. Гордону. 6 июня 1960 г.

² В моем конспекте спецкурса Захера написано «автократическая». Речь шла о складывании единоличного правления.

³ Я.М. Захер – А.В. Гордону. 6 июня 1960 г.

⁴ Захер подчеркивал «историческое значение гибели эбертистов» как защитников интересов масс, указывая на последствия – разгром Коммуны, утрату самостоятельности революционного самоуправления столицы. См.: /Я.М.Захер/. Французская революция. Тетрадь № 2 (конспект спецкурса).

⁵ Впоследствии Я.М. уточнит: «Термин “разгром эбертистов” лучше, чем “падение”, ибо он больше подчеркивает виновность робеспьеристов. “Падение” может явиться результатом одних только объективных причин» (Я.М. Захер – А.В. Гордону. 7 апр. 1960 г.).

⁶ Я.М. Захер – А.В. Гордону. 7 мая 1961 г.

основании этого научный руководитель рекомендовал меня в аспирантуру «по истории нового времени или историографии истории нового времени»⁷.

Собственно, Я.М. не очень верил в такую возможность, но разговор с Ревуненковым переубедил его, и Захер тотчас (похоже, прямо на кафедре) пишет на имя последнего, который в то время был еще и деканом, докладную записку. Она читается как духовное завещание ученого: «Ленинградский (а до революции Петербургский) университет уже примерно 80 лет занимает ведущее место в изучении истории Французской буржуазной революции 1789–1794 гг. – и это в масштабе не только нашей страны... Не случайно прогрессивные буржуазные историки Франции (Олар, Жорес, Матъез и др.)... создали даже специальный термин «*école russe*», применявшийся ими к таким видным русским ученым, как М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий, Н.И. Кареев и Е.В. Тарле... Из этих четырех лиц трое... всей своей научно-педагогической деятельностью были связаны именно с Петербургским университетом! Вокруг них создались группы учеников, часть которых... стали впоследствии видными советскими учеными.

...В двадцатые годы на истфаке ЛГУ образовалась руководимая Е.В. Тарле группа историков (П.П. Щеголев, Е.Н. Петров, В.В. Бирюкович, М.А. Буковецкая и автор этих строк), опубликовавших в 1921–1933 гг. ряд книг и статей, внесших ценный вклад в изучение истории французской революции 1789–1794 гг. И если уже тогда ленинградские историки начали отходить на второй план по сравнению со своими московскими коллегами... то это является вполне естественным и закономерным... полностью отражающим положение ЛГУ как *второго* по значению университета страны.

...С середины 30-х гг. положение стало катастрофически меняться... на сегодняшний день в Ленинграде осталось только два историка, специально занимающихся историей Французской революции... (С.А. Лотте и я)... С педагогической работой (да и то лишь в очень слабой степени) связан только я один... Это значит, что после моей смерти, которая не за горами, в Ленинграде не останется *ни одного* научно-педагогического работника, специалиста по истории Французской революции... Создавшееся в Ленинграде положение... тем более обидно, что о нем не имеют представления за рубежом и по-прежнему продолжают считать Ленинград одним из мировых центров этой области науки»⁸.

⁷ Отзыв о дипломной работе студента V курса истфака ЛГУ А.В. Гордона на тему «Падение эбертистов». Подпись – профессор Я.М. Захер. 23.IV.1959 г. (Из личного архива).

⁸ Захер ссылаясь на заметки в *Annales historiques de la Révolution française* Лефевра, Собуля, Рюде, Маркова и личную переписку.

Исходя из изложенного, профессор делал вывод о необходимости «срочной подготовки в недрах ЛГУ хотя бы нескольких специалистов» по изучению революции и, дав развернутую характеристику, рекомендовал меня для поступления в аспирантуру¹. Он открыто представлял меня своим «продолжателем». Именно это слово неоднократно повторяла Зоя Ивановна, вспоминая об отношении мужа ко мне². На этой почве возникла даже коллизия из-за книг ученого. Юрий Яковлевич обещал их В.С. Алексееву-Попову, поскольку тот уже в 1952 г. приобрел «всю старую папину библиотеку» и даже дал задаток за публикацию *Moniteur*. Однако Зоя Ивановна воспротивилась, сославшись на желание Я.М., чтобы они принадлежали Гордону, ибо они «будут нужны для продолжения той работы, которую делал Яков Михайлович»³.

Далеко не всем хотелось иметь на кафедре «продолжателя Захера». И началась форменная «буза», в которой моя судьба сделалась скорее поводом для выплеска негативных эмоций в отношении научного руководителя и собственно Ревуненкова. Преемник *école russe*, узник ГУЛАГа был инородным явлением на кафедре, после всех сталинских «чисток» радикально изменившейся. По воспоминаниям Т.А. Воробьевой, на факультете «многие преподаватели без восторга воспринимали возвращение ученых, пострадавших в годы культа»⁴. По словам Татьяны Дмитриевны Белановской, ее мужа (Василий Никитич преподавал на кафедре историю славянства) крайне огорчала изолированность Захера: он обычно оказывался на кафедре в полном одиночестве, к нему никто не подходил, никто с ним не разговаривал⁵.

Оппозицию представляли М.Н. Кузьмин и В.Г. Брюнин. Странная то была пара: первый – угрюмый, темный лицом и шевелюрой, второй – улыбчивый, с небольшой светлой прядью и мягким немецким акцентом⁶. Неформальным общением (вместе с армейским «здравия желаю») да вольной манерой чтения лекций⁷ Марк Николаевич был популярен среди

¹ Декану исторического факультета ЛОЛГУ им. А.А. Жданова доктору исторических наук профессору В.Г. Ревуненкову. Профессора кафедры новой истории истфака ЛОЛГУ Захер Я.М. Докладная записка. 3 мая 1959 г. (ЛОЛГУ – Ленинградский ордена Ленина государственный университет).

² «Яков Михайлович очень любил и гордился Вами. Считал Вас его продолжателем». – З.И. Захер – А.В. Гордону. 9 апреля 1963 г.

³ Ю.Я. Захер – А.В. Гордону. 5 апреля 1963 г.; З.И. Захер – А.В. Гордону. 9 апреля 1963 г.

⁴ Т.А. Воробьева – А.В. Гордону. 7 марта 2014 г.

⁵ Из беседы с Т.Д. Белановской у нее на квартире в Петербурге весной 2002 г.

⁶ Захер предполагал, что в фамилии Брюнина выпало конечное «г».

⁷ «Кузьмин, – вспоминают выпускники 1957 г., – поражал студентов неиссякаемой эрудицией. Мы ловили каждый малознакомый факт, боялись непредсказуемых вопросов-тестов на эрудицию, за которыми стояли конкретные факты и характер которых был приближен к нашему возрасту и нацелен также на прививку интереса к истории, к книгам: “Кто из вели-

студентов и, как франковед, конкурировал с Захером¹. Специалист по германскому рабочему движению и ГДР Владимир Георгиевич Брюнин, напротив, был мало популярен². Особых научных достижений за ними не числилось, зато Кузьмин был многолетним партсекретарем факультета, а Брюнин выдвинулся по административной части: возглавил кафедру в достопамятном 1950 г., стал профессором. Вспоминают о них еще то, что оба отметились при погромных делах «космополитчины»³.

К ним присоединился Алексей Сергеевич Корнеев. Это был многообещающий специалист по внешней политике Италии периода Первой мировой войны (Я.М. выделял Корнеева, наряду с Ревуненковым, за научные способности). Но, как тогда квалифицировали, «морально неустойчивый». Ко мне у него, похоже, претензий не было, а Захера, судя по оттилкам своих статей, которые он регулярно презентовал⁴, уважал. Однако Корнеев был в больших контрах с Ревуненковым и принял активное участие в интриге. Остальные члены кафедры оставались более или менее пассивными.

Интрига завязалась вокруг формальной необходимости стажа для поступления в аспирантуру. Доводы Захера о том, что можно просить сделать исключение, поскольку речь идет об особом случае и претендент проявил замечательные способности, парировались тем, что, дескать, профессор отстал от жизни и нынешние студенты пишут дипломные работы на гораздо более высоком уровне, чем в его время.

Столкнувшись с афронтом, Ревуненков отступил: человеческие судьбы его, подлинно, не волновали, впрочем, как и научная преемственность. Напротив, Захера кровно затрагивало и то, и другое. Но он несколько уте-

ких умер на могиле любовницы?», «Как звали овчарку Гитлера?», «Какому деятелю болгарского революционного движения стоит памятник в районе Зоопарка?» – www.spbumag.nw.ru/2007/13/12.shtm

¹ Хорошо знавшая М.Н. Кузьмина и работавшая над дипломом в его семинаре Т.А. Воробьева писала мне по поводу вышедшей в 2009 г. «Великой французской революции в советской историографии»: «Книгу прочитала, хотела написать сразу, как закрыла последнюю страницу. Какой ты... молодец, что остался у Я.М. Захера, а мы, легкомысленные девицы, убежали к Марку, т.к. у него было легче». Для контрапункта см. восторженную характеристику «вклада» М.Н. Кузьмина (*Бодров А.В., Евдокимова Н.П.* Вклад кафедры истории Нового и Новейшего времени Исторического факультета в создание ленинградской-петербургской школы историков // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в новое и новейшее время. Ишим, 2012. С. 18).

² «Монотонным голосом», без «положительных эмоций у слушателей», – вспоминал о лекциях Брюнина выпускник 1953 г. (*Молок Ф.А.* Научно-педагогическая деятельность и жизненный путь историка Александра Ивановича Молока // Клио. 2006. № 4. С. 37).

³ *Молок Ф.А.* Указ. соч. С. 41.

⁴ Оттиски своих статей презентовал Захеру также К.Б. Виноградов. Есть оттиск статьи В.Г. Брюнина с надписью: «Многоуважаемому Якову Михайловичу от слушателя Ваших лекций в 1928 г.». 10. XI. 1958.

шился тем, что, пребывая после всех ударов, доставшихся на его долю, в спасительном фатализме, объяснил интригу «антисемитизмом желудка», т.е. заботой действовавших лиц о сохранении своих мест¹. А главное, он был уверен в моем научном будущем и, прощаясь, произнес знаменательный тост: «Я пью за то, чтобы с того света видеть Вас профессором».

Горечь осталась. Захер близко к сердцу принимал мои усилия приобщения к науке, направлял подготовку к публикации дипломной работы. Когда я спросил, следует ли учитывать то, что было сказано на ее защите, Захер высказался с редкой для него жесткостью: «О замечаниях, которые были Вам сделаны на кафедре ЛГУ (и, в частности, В.Г. Брюниным), я думаю, уже давно пора забыть, ибо не только он, но и все члены кафедры понимают во Французской революции столько же, сколько известное животное в апельсинах»².

В 1960 г. защитились последние дипломницы Захера: студентка из КНР У Мэйфань, Керге и Маркузе. Удачной была защита первых двух, в частности Иры (кажется) Керге «Закон 22 прериаля и его применение». У Маркузе была работа по вантозским декретам³. Никто из них в аспирантуру не был допущен, а на следующий год у Захера не осталось и студентов: всего тогда на кафедру пришло только 9 человек⁴.

Школе Захера на истфаке ЛГУ не суждено было быть. Да и память о профессоре у нынешнего состава кафедры ничтожна. Зоя Ивановна рассказывала, как ожидал Я.М., что на кафедре отметят его 70-летие (ноябрь 1963)⁵. Увы! «Со стороны истфака ЛГУ никакого интереса к наследию папы не проявляется»⁶, – констатировал Ю.Я. Захер. С тех пор ничего не изменилось. Горько думать, что и его вековой юбилей прошел на кафедре не замеченным⁷.

Утешительно все же, что, считая себя учениками и наследниками Ревуненкова, современное поколение оказывается в отдаленной связи с

¹ В чем-то Я.М. ошибся. Осенью того же года «срезали» при приеме в аспирантуру моего однокашника Станислава Десяткова: он был яркой личностью и одаренным человеком, при том к «сеμίтам» отношения не имел.

² Я.М. Захер – А.В. Гордону. 27 июля 1961 г.

³ Я.М. Захер – А.В. Гордону. 6 июня 1960 г.

⁴ Я.М. Захер – А.В. Гордону. 27 октября 1960 г.

⁵ Запросили фото Я.М. Думаю, то была инициатива секретаря кафедры Инны Робертовны Брук, которая относилась к нему с большим уважением и симпатией. Она, кстати, и посоветовала мне посещать спецкурс Захера, так как я думал ограничиться лишь семинаром (как у Валка). После университета через Я.М. интересовалась моей судьбой, радовалась поступлению в аспирантуру Института истории, передала мне докладную Захера. Жаль, И.Р. прожила очень недолгую жизнь.

⁶ Ю.Я. Захер – А.З. Манфреду. 11 декабря 1963 г.

⁷ Хорошо хоть, что в упомянутом сборнике о «создателях ленинградской-петербургской школы историков» есть абзац и о Захере (*Бодров А.В., Евдокимова Н.П.* Указ. соч. С. 15–16).

моим учителем, ведь Владимир Георгиевич слушал до войны лекции Захера, ценил его, а подход Захера к якобинской диктатуре сделался для него, наряду с книгой Соболя о парижских санкюлотах, своеобразным отправным пунктом в ревизии якобинократизма «школы Лукина-Манфреда»¹.

В 1960–1961 гг. последовали новые удары. Наиболее тяжелый пришелся по монографии «Движение “бешеных”». Вернувшись к науке, Я.М. своей главной задачей полагал переиздание книги «Бешеные» (1930). Речь шла о новом издании, поскольку требовалось обобщить фактический материал, введенный в оборот после 1938 г.², учесть новые методологические наработки и идеологические установки советской историографии. Последние-то и стали камнем преткновения.

Самой логикой своей работы Захер подчеркивал противоречия между якобинцами и городскими низами, тогда как в послевоенной советской историографии восторжествовала установка на единство якобинского блока («якобинцы с народом», по Ленину). «Бешеные», нарушавшие своим выступлением против диктатуры идиллию народного единства вокруг якобинцев, сделались *persona non grata*. Для редакции Соцэргиза, в которой оказалась рукопись Захера, описанные историком сюжеты были, по колоритному выражению А.З. Манфреда, «немодé», и потому, еще не видя текста, редакция сопротивлялась его публикации. Задним числом редактор книги упоминал, что «было много противников издания», которые говорили, что «есть темы более актуальные»³. Уступив, в конечном счете, настояниям центрального партаппарата, редакция буквально «замордовала» автора бесконечными придирадками и «курезаниями».

Уже весной 1957 г. Захер обращается в Госполитиздат с предложением о переиздании «Бешеных», указывая на то, что роль плебейских масс во Французской революции остается актуальной, что книга сделалась библиографической редкостью и не имеет аналогов в мировой научной литературе. Захер отмечал, что издание 1930 г. переработано «почти наполовину» и за счет новых материалов расширено до 25–30 п.л.⁴.

Затем Захер обратился в сектор новой истории Института истории. Заведующий сектором Б.Ф. Поршнев ответил, что из-за ограниченности издательских возможностей Института сектор не может «принять на себя

¹ Ревуенков В.Г. Проблемы якобинской диктатуры в новейших работах советских историков // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 83–92; Он же. Я.М. Захер и историография «бешеных» // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. 1969. № 2. С. 143–156.

² Сохранилась запись прочитанного Я.М. после возвращения: в ней десятки работ, увидевших свет в 1938–1956 гг., особенно за пределами СССР.

³ П.И. Бычков – Я.М. Захеру. 14 марта 1961 г.

⁴ В Государственное издательство политической литературы. 5 апреля 1957 г.

каких-либо конкретных обязательств» по публикации монографии¹. Тем не менее сектор рекомендовал ее к опубликованию как «крупное научное исследование, основанное на исчерпывающем охвате источников, в том числе из французских архивов» и посвященное «одной из актуальных проблем истории французской буржуазной революции конца XVIII в.»².

С этой, очевидно, рекомендацией Захер и обратился в ЦК КПСС за содействием, оттуда направили ходатайство в Соцэкгиз. Однако редакция всеобщей истории попросила повременить с присылкой рукописи: «ввиду загруженности она не имеет возможности в настоящее время рассмотреть Вашу работу»³. Потеряв терпение, Захер снова (19 июля 1957 г.) обращается в отдел науки ЦК. Его вызывают в Смольный и заверяют, что монография будет издана в 1959 г. и что в случае «проволочек» надлежит сообщить в горком⁴. Захер высылает рукопись, начинается работа с редактором. И вновь отказ: в декабре 1958 г. его уведомляют, что издательство «не может принять к изданию» рукопись. Основание – нежелание Книжной палаты «дать заказ» на распространение книги⁵.

Еще одно обращение в ЦК, и новое заверение: «Ув. тов. Захер Я.М. В связи с Вашим письмом сообщаем, что Соцэкгиз намерен включить Вашу работу в план изданий на 1960 год»⁶. Одновременно Захер получает уведомление, что издательство «согласно еще раз ознакомиться с рукописью «Движение “бешеных”», однако «предупреждает, что не может принять рукопись на эту тему объемом более 10–15 л. (курсив мой. – А.Г.)»⁷.

Захер попытался обойти это ограничение. Разделив рукопись, он представил в издательство две монографии: «Движение “Бешеных”» и «Жак Ру». Издательство потребовало сохранения общего максимума 15 п. л.⁸. Захер сохраняет разделы, посвященные общей характеристике движения «бешеных» и Жаку Ру, и, по «независящим от него причинам технико-из-

¹ Б.Ф. Поршневу – Я.М. Захеру. 2 августа 1957 г.

² Выписка из протокола заседания сектора новой истории западноевропейских стран. 20 декабря 1957 г. Рукопись была обсуждена на заседании французской группы. – См.: Вестник Академии наук СССР. 1958. № 4. С. 93.

³ Профессору Захеру Я.М. 7 марта 1958 г. Подпись зав. редакцией литературы по всеобщей истории Б. Рубцов.

⁴ Я.М. Захер – Ф.А. Молоку. 4 августа 1958 г. Захер просит Флуранса Александровича зайти в издательство и получить от Б.Т. Рубцова «определенный ответ».

⁵ Уважаемый тов. Захер Я.М. Подпись – зам. главного редактора И. Маслов. 27 дек. 1958 г. На бланке издательства. (Этот И.И. Маслов и становится «злым гением» монографии).

⁶ Подпись – инструктор Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС В. Слуцкая. Почтовая открытка с грифом «ЦК КПСС». Штемпель Ленинграда 6 марта 1959 г.

⁷ Уважаемый тов. Захер Я.М. Подпись – зав. редакцией литературы по всеобщей истории. В. Родионов. 2 марта 1959 г. На бланке издательства.

⁸ П.И. Бычков – Я.М. Захеру. 14 декабря 1959 г.

дательского характера», удаляет главы о других деятелях движения. Этого, «оставшегося за бортом» соцэкгизовского издания, материала оказывается так много, что ученый подготавливает к печати еще одну монографию о Варле, Леклерке и Клер Лакомб. Только после ее опубликования, заявляет он будущему читателю, «автор будет считать свою работу над историей “бешеных” полностью законченной»⁹.

Издательство не волновали авторские терзания. С проволочками, занявшими более двух лет, оно все же подчинилось указанию ЦК; но начинает, в свою очередь, давить на автора, угрожая в критические моменты отказом от подписания, а затем расторжением договора. Впрочем, если не считать сокращения объема, остальное поначалу выглядело обнадеживающе. «Я приступила к чтению Вашей рукописи, – пишет редактор, – и должна сказать, что она производит очень хорошее впечатление. Думаю, что рукопись не потребует большой авторской доработки»¹⁰.

Увы, «потребовалась» именно основательная «доработка», сопровождавшаяся «проработкой» автора. Сменился редактор. Вместо опытной и квалифицированной Новиковой¹¹ пришел малоопытный, но зато старательный и исполнительный Петр Иванович Бычков, деятельность которого непосредственно направляли упомянутые И.И. Маслов и В.Г. Родионов.

Новый редактор изводил ученого, в первую очередь, своими претензиями по части историографии. Сразу скажу, дело было не в его личной инициативе или придирках Соцэкгиза. Историография, начиная с 30-х гг., сделалась в СССР заповедным полем охоты на свободомыслие, спецзоной идеологического режима. Ознакомившись с рукописью статьи Захера «Историография “бешеных”», редакция «Вопросов истории» потребовала «отчетливее подчеркнуть» основные направления буржуазной историографии, их «классовую сущность». Особенно это касалось книг Герена и Жореса: «Вы преувеличиваете заслуги Ж. Жореса в деле изучения истории “бешеных”... концепция Жореса по этому вопросу (как и об эбертистах) была глубоко ошибочной»¹².

После того как Соцэкгиз, наконец, выпустил книгу Захера, редакция «Вопросов истории» дописала в текст моей рецензии необходимость отмежевания от «точек зрения таких историков, как Рюде или Тенессон, и особенно... в отношении концепции Альбера Собуля». Далее редакция добави-

⁹ Предисловие. Подписано – Автор. Дата – сентябрь 1959 г. К сожалению, эта работа не была опубликована, и рукопись ее в имеющемся у меня архиве отсутствует.

¹⁰ Г. Новикова – Я.М. Захеру. 8 октября 1959 г.

¹¹ Ее положительная оценка как редактора, основанная на собственном опыте, есть в переписке В.С. Алексеева-Попова с Захером.

¹² Н. Филоненко – Я.М. Захеру, 2 марта 1960 г.

ла пассаж, подобный (по смыслу, хотя не по стилю) тем, что приходилось читать в исторических журналах 30-х гг.: «Добавим, что недостаточно четкие определения при историографическом анализе *вообще* наблюдаются, к сожалению, во многих *наших* работах по новой истории и за последнее время [Оттепели. – А.Г.] стали чуть ли не правилом» (курсив мой. – А.Г.)¹.

Идеологический режим в историографии требовал размежевания не только по принципу классовой исключительности, но и национально-государственной идентичности с отделением «нашей», советской историографии от «их», западной², даже если в последнюю, как видим, попадали «западные» коммунисты³: Рюде был членом КПВ, Собуль – ФКП.

На таком неблагоприятном фоне требования редактора Соцэкгиза отличались лишь прямолинейностью, а отношение его начальства – грубостью. Бычков требовал от Захера, чтобы изложение мнений предшественников было заменено их идеологической оценкой: «Когда Вы приводите слова Тэна о “бешеных” как о демагогах второго ранга, мерзавцах и марионетках, то *получается*... будто Вы с ним согласны». Или: «Эту реакционную роль “бешеных” Жорес ставил в связь с тем... *получается*, что Вы признаете реакционную роль “бешеных” (курсив мой. – А.Г.)»⁴.

В том же духе редактор предъявлял требования по «классовой арифметике»: В рукописи: «Мелкие рантье, торговцы, ремесленники, служащие, конторщики и т.п. не менее рабочих страдали от дороговизны... и отсутствия хлеба». Редактор: «Вы твердо стоите на этой позиции уравнивания в экономическом положении рабочих и мелких рантье? Вы в этом убеждены? Могут ли с Вами согласиться наши читатели?»⁵

У редактора было редкое понимание научного стиля, которое он беззастенчиво навязывал ученому: «Лучше, конечно, сказать, что преследования со стороны Робеспьера заставили Ж. Ру *покончить* самоубийством, а не “решиться на самоубийство”. Мы привыкли употреблять слово “решиться” в сочетании с подвигом, славным делом»⁶.

Но все это, говоря словами самого Бычкова, были лишь «мелочи». Подготовив рукопись, он принес ее заведующему редакцией В.Г. Родионову, и

¹ ВИ. 1963. № 4. С. 145–146.

² В начале 70-х гг. мне довелось написать большой аналитический обзор «Франц Фанон и проблемы национально-освободительной революции» (ИНИОН, 1970–1971). Я классифицировал работы об этом идеологе Третьего мира по проблемно-тематическому принципу, и за это получил упрек: работы советских авторов следовало вынести в отдельную категорию, строго отделив от прочей «фанонистики».

³ По отношению к авторам, занимавшим официальные посты в «братских» компартиях, проявлялся все же определенный политекс.

⁴ П.И. Бычков – Я.М. Захеру. 23 декабря 1959 г.

⁵ Там же.

⁶ П.И. Бычков – Я.М. Захеру. 16 марта 1960 г.

тот, ознакомившись с историографической главой, «остановил оформление договора». Родионов, в интерпретации Бычкова, потребовал еще большего заострения оценок в духе идеологической борьбы с буржуазной историографией: преодолеть «увлечение» Мишле и Кропоткиным, усилить критику Жореса, Кунова, Матъеза – ведь охарактеризовать их работы как пример «неправильной» оценки «бешеных» это слишком «мягко сказано» и т.д.¹

Бычков вновь перечитывает рукопись, добавляет целый ряд замечаний, которые порой выглядят вполне дельными, например – «нет необходимости подчеркивать полстраницы», так же, как по оформлению сносок и пр. И ставит, «наконец», говоря его словами, перед Захером «научный вопрос» о характеристике якобинской диктатуры: «Ваша оценка не совпадает с Лениным²... отличается от «Всеобщей [Всемирной. – А.Г.] истории», Манфреда, учебника для вузов. Над этим Вы достаточно думали? Вполне убежденно стоите на занятой позиции. Подумайте, пожалуйста, еще... Я не настаиваю... Вы – ученый, и можете придерживаться своей точки зрения»³.

Изрядная деликатность! Начальство, однако, не дремало. Оправдываясь за корректировку авторского текста⁴, Бычков писал: «Возьмите вашу путаницу в определении социальной базы якобинцев. Спасибо И.И. Маслову... Иначе мне не сносить бы головы. Вы стояли на другой точке зрения... но... Ваши аргументы были слабы по сравнению с ленинской оценкой якобинцев, с которой ни один историк не спорит»⁵.

Финальным аккордом стали финансовые разборки. «К Вашей работе, – писал Бычков в своем оправдательном письме, – редакция отнеслась очень благосклонно. Она уважила Ваш возраст, труд, хотела порадовать Вас своей поддержкой, ибо понимаем, как много Вы пережили. Эта работа, быть может, Ваша единственная радость». «Вы сетуете на сокращение объема в ущерб качеству, – спорил Бычков. – ...Я полагаю, Вы отлично понимаете, что это не так; но, видимо, материальные интересы Вас сбивают на неверный путь».

¹ П.И. Бычков – Я.М. Захеру. 16 марта 1960 г.

² Давались постраничные ссылки на т. 9 и 20 Собрания сочинений В.И. Ленина.

³ П.И. Бычков – Я.М. Захеру. 16 марта 1960 г.

⁴ Определение «базы» якобинцев было не единственным случаем самочинной корректировки. Так, в книге появилась уничижительная характеристика П.А. Кропоткина, оценка которым «бешеных» была провозглашена «ненаучной, вредной и неприемлемой», ибо «сам-то (sic!) Кропоткин отнюдь не являлся представителем научного социализма». – П.И. Бычков – Я.М. Захеру. 29 января 1960 г. Концовку книги, «связывающую тему с современностью», редактор дописал сам. – П.И. Бычков – Я.М. Захеру. 14 декабря 1960 г.

⁵ П.И. Бычков – Я.М. Захеру. 14 марта 1961 г.

Далее редактор расписывал благодарения издательства. Оно шло на встречу, беря на себя перепечатку старых машинописных страниц. Могло бы оплатить фрагменты издания 1930 г. по 60%¹. «Издательство не стало высчитывать объем, падающий на цитаты, чтобы оплатить их не по 150, а по 20 руб. за лист». Бычков выражал надежду, что таким образом Захеру будут компенсированы потери от сокращения объема против оговоренного в договоре²: 11 п. л. вместо 15 по договору!

Не тут-то было! И в материальном вопросе издательское начальство проявило крайнюю придирчивость: именно скрупулезно «высчитало» цитаты и оплатило их по 20 р., а они (вместе с высчитанными «сносками-ссылками») составили более 10% окончательного текста. Какое наглядное и превратное соотношение ценностей в одном из ведущих советских издательств: цитирование вводимых в научный оборот архивных источников шло по бросовой цене не в пример квазинаучным сочинениям, излагавшим «своими словами» партийные документы и идеологические установки! В довершение Захера «попросили» оплатить 30 экземпляров книги, выданных ему сверх оговоренных в договоре десяти³. Думаю, в итоге он получил за работу, в которую было вложено столько труда и два года конфронтации с издательством, сущие гроши.

Совпав с увольнением из университета, эта несправедливость явилась тяжелым ударом и по семейному бюджету. Моя переписка с Я.М. 1961-1963 гг. полна его просьб о посещении различных издательств, где печатались его статьи. Вопрос был один: когда будет выдан гонорар. Для ускорения дела я даже получил доверенность. Можно утверждать, последние годы жизни историка были омрачены материальными лишениями.

Все же ученый был удовлетворен выходом в свет своего детища. Он живо откликнулся на полученное мною от редакции «Вопросов истории» (А.С. Гроссман) предложение отрецензировать книгу. Отвергнув мои сомнения, он написал, что ему будет лестно, если рецензию напишет его ученик. Для облегчения моей задачи Я.М. сформулировал несколько положений, которые хотел бы видеть в рецензии:

«Она [книга] основана целиком на первоисточниках (брошюры, речи и газеты “бешеных” и их следственные дела, хранящиеся в сериях F⁷ и W парижского Национального архива). Кроме того полностью использована вся новейшая литература как специально по “бешеным”, так и вообще о парижских плебейских массах... Она раскрывает движение “бешеных” не как

¹ Это было бы противозаконно, поскольку, как уточнял сам Бычков, объем дополнений был достаточен, чтобы считать «Движение бешеных» новым изданием.

² П.И. Бычков – Я.М. Захеру. 14 марта 1961 г.

³ В.Г. Родионов – Я.М. Захеру. 18 марта 1961 г.

самопроизвольное, а как авангард движения самих плебейских масс... Она дает правильную марксистско-ленинскую оценку причин возникновения и поражения движения “бешеных”... а также их исторического значения. Последнее автор усматривает в том, что “бешеные” были главными инициаторами “плебейских методов” буржуазной революции и что их идеология, хотя и полностью отражала незрелость плебейских масс, вместе с тем являлась важным этапом на пути подготовки идей социализма»¹.

Разумеется, все это вошло в мой текст, но я позволил себе и критическое замечание: «Впечатление недоговоренности оставляет то место книги, где автор говорит об оценке “срывов” в деятельности “бешеных” на последнем этапе»². Захер ответил, что по поводу краткости хорошо бы добавить: «очевидно, вызванной издательскими соображениями» – и что именно в указанном мной месте «Соцэргиз очень много сократил!»³

Эту, по выражению Я.М., «шпильку» я Соцэргизу вставил. Однако редакция журнала (как и предполагал Захер) завуалировала указание на издательство: «Недостатки книги связаны с излишней лаконичностью автора, вызванной, *возможно*, малым объемом книги (курсив мой. – А.Г.)»⁴. «Эзопов язык» советской научной бюрократии!

О том, что было сокращено Соцэргизом в книге Захера, можно судить по статье об историческом значении деятельности «бешеных»: в книге внезапно возникшее у «бешеных» «непонимание необходимости революционной диктатуры и революционного террора» объясняется «имевшим место в то время соотношением классовых сил» и буржуазным характером революции⁵. В статье Захер обращал внимание на двойственность террора, на то, что он был применен и против представителей масс⁶.

В том же 1960 г. Захера принудили отказаться от приглашения участвовать в Стокгольмском коллоквиуме, посвященном 200-летию Бабефа. Это был тяжелый удар. Большое моральное удовлетворение ученому принесли отклики зарубежных историков на весть о его освобождении. От Маркова к Собулю, от Собуля к Рюде, Тенессону и Коббу, от Кобба к Роузу и т.д. она прошла от Америки до Австралии, поверх всех барьеров «железного занавеса». Захер оказался очень нужен содружеству историков левого направ-

¹ Я.М. Захер – А.В. Гордону. Б/д.

² А.В. Гордон – Я.М. Захеру. 2 июля 1961 г.

³ Я.М. Захер – А.В. Гордону. 6 июля 1961 г. На эту лакуну обратили внимание и другие рецензенты, однако инкриминировали ее Захеру. И высказались сверхдипломатично (рука, видимо, В.С. Алексеева-Попова): «Несмотря на некоторую неравноценность отдельных глав работы Я.М. Захера, Издательство социально-экономической литературы сделало нужное и полезное дело», выпустив книгу. – НиНИ. 1962. № 1. С. 160.

⁴ ВИ. 1963. № 4. С. 145.

⁵ Захер Я.М. Движение «бешеных». М., 1961. С. 220.

⁶ Захер Я.М. «Бешеные», их деятельность и историческое значение // ФЕ 1964. М., 1965. С. 105.

ления в изучении Французской революции, став для них старшим товарищем, советчиком, другом. Так, через переписку со специалистами, университетскими профессорами в Сорбонне и Оксфорде, Лейпциге и Принстоне, Стокгольме и Адelaide ученый из Ленинграда был интегрирован в мировую науку. И в самом широком, и в буквальном смысле, поскольку Захеру, благодаря возникшим дружественным связям, стала доступна зарубежная научная литература по самым важным для него вопросам!

И для Я.М., и для организаторов коллоквиума Альбера Собуля и Вальтера Маркова встреча в Стокгольме значила немало. Перспективы ее обсуждались в их переписке многие месяцы. Между тем Захер был лишен возможности даже заочного участия в международном форуме, которое практиковалось в советскую пору для «невъездных»¹. Он должен был дезавуировать свой текст, с которым собирался выступить и который был согласован с организаторами коллоквиума, под тем предлогом, что «статья была написана давно и не предназначалась для этой цели»². Профессору дали почувствовать, что «полной» реабилитации он так и не удостоен, и, каким бы авторитетом ни пользовался на Западе среди историков-марксистов и «прогрессивных ученых», компетентные органы на родине не забывают о его гулаговском прошлом.

Не забывал и он об «анаконде на люстре». Когда падчерица поступила в радиокружок и восторженно рассказала дома о возможности найти в эфире зарубежных корреспондентов, родители категорически воспротивились. «Не хватало, чтобы я сидел из-за тебя», – сказал Я.М. Люсе. С радио пришлось расстаться³. До конца жизни у ученого не пропадало ощущение, что он находится «под колпаком». В одном из последних писем он просил, чтобы я отправил приложенное письмо Вальтеру Маркову: «По некоторым соображениям желательно, чтобы оно было отправлено не из Ленинграда, а из Москвы»⁴.

Было все-таки и другое. Было единодушное уважение в многочисленном тогда сообществе советских историков Французской революции. Пришло признание. Когда в 1950–1960-х годах в Институте истории проектировали издание трехтомника по революции, Захеру были предложе-

¹ Ввиду «внезапного заболевания», «семейных обстоятельств» и т.п. текст зачитывался кем-то из «въездных» членов советской делегации.

² А.З. Манфред – Я.М. Захеру. Очевидно, июль 1960 г. – См.: Гордон А.В. Великая французская революция... С. 235–237.

³ Из телефонного разговора с Л.Н. Русак. 9 марта 2014 г.

⁴ Я.М. Захер – А.В.Гордону. 20 января 1963 г. «Забавный» перифраз нахожу в воспоминаниях Аполлона Борисовича Давидсона. Договариваясь о месте встречи, Анна Андреевна Ахматова подчеркнула: «Только, пожалуйста, здесь... в Москве. В Ленинграде не надо». – Давидсон А.Б. Указ. соч. С. 255.

ны почти все главы о первом периоде, начиная с взятия Бастилии, специальный раздел «Революция и католическая церковь», развитие массового движения в 1792–1793 гг., а также последние выступления парижских низов – «жерминаль и прериаля», ну и самое весомое – «совместно с А.З. Манфредом» установление и крушение якобинской диктатуры. Общий объем – около 18 п. л.¹

А когда Захер сослался на свое нездоровье, заведующий отделом, инициатор проекта Б.Ф. Поршневу самолично взялся за перо, чтобы «настойчиво попросить» сделать «в первую очередь» главу о крушении диктатуры. «Насколько я представляю себе, – писал Поршневу, – подавляющее большинство советских историков и членов редколлегии считает правильной Вашу точку зрения. Лучше Вас никто ее не изложит для нашего трехтомника»².

Говоря о «правильной позиции», Б.Ф. конкретно имел в виду, думаю, статью о левой оппозиции Робеспьеру³. Судьба этой статьи, подобно всем основным работам Захера после реабилитации, была многострадальной. Предложенная в 1957 г. «Вопросам истории», рукопись пролежала в редакции без движения около года и была передана потерявшим терпение автором во «Французский ежегодник»⁴. Однако Манфреду она вряд ли могла понравиться и в итоге увидела свет в «Новой и новейшей истории», членом редколлегии которой был Поршневу.

Участие Б.Ф., похоже, явилось решающим. Сообщая Захеру об утверждении статьи редколлегией журнала, симпатизировавший ему Яков Самойлович Драбкин, работавший в редакции, писал: «Высказанные некоторыми из членов редколлегии соображения, будто в ней мало нового, были блестяще парированы Б.Ф. Поршневым»⁵.

С Б.Ф. у Захера поддерживались более официальные отношения, чем с Далиным или Манфредом. Между тем Поршневу очень уважал Я.М., следствием чего и стало приглашение меня в аспирантуру Института истории. Он поддерживал Захера против Далина и Манфреда в оценке отношений между «бешеными» и робеспьеристами. «Неправильно было бы осуждать всякое выступление против якобинской диктатуры», – сказал Поршневу в адрес своих коллег при обсуждении доклада Захера с выводами из его монографии на французской группе в декабре 1957 г.⁶

¹ Г.С. Черткова – Я.М. Захеру. 4 декабря 1962 г.

² Б.Ф. Поршневу – Я.М. Захеру. 14 декабря 1962 г.

³ Захер Я.М. Плебейская оппозиция в Париже накануне 9 термидора // НиНИ. 1962. № 5.

⁴ См.: Я.М. Захер – Ф.А. Молоку. 27 июня 1958 г.

⁵ Я.С. Драбкин – Я.М. Захеру. 15 июня 1962 г.

⁶ Протокол заседания группы по истории Франции 19 декабря 1957 г. Председатель В.П. Волгин, секретарь М.Н. Машкин, подписавший выписку.

Поршневу взял как бы под свою опеку старшего коллегу. В это же время в «Новой и новейшей истории» находилась рукопись статьи Захера «Жан Варле во время якобинской диктатуры». С ее публикацией тоже возникли сложности. «Несколько товарищей, читавших статью [видимо, Манфред и Далин. – А.Г.], считают, что в ней недостаточно ясно выражена Ваша оценка отношения Варле (и вообще “бешеных”) к так называемому “революционному порядку управления” и террору», – сообщал автору Драбкин. Можно ли считать враждебное отношение к ним Варле выражением интересов плебейских масс? Заслуживает ли эта враждебность безоговорочного оправдания?.. Можно ли считать, что и после термидора “бешеные” были выразителями интересов плебейства», когда они «практически сомкнулись с правыми термидорианцами». «Очевидно, – заключал Драбкин, – надо найти здесь более четкие формулировки»¹.

И на этот раз выручил Поршневу. Во время поездки в Ленинград он побеседовал с Захером. Видимо, «формулировки» были найдены, статья доработана в «нужном направлении»² и вышла в начале следующего года, став первой журнальной публикацией Захера после реабилитации³.

На заседании французской группы в декабре 1957 г. Захер возражал Манфреду: «Всякий историк обязан становиться на точку зрения масс... и тех группировок, которые эту точку зрения отражали»⁴. Однако после 200-летнего юбилея Робеспьера (май 1958 г.) манфредовская концепция народности диктатуры оказалась до некоторой степени канонизирована: к ней, наравне с ленинскими цитатами, апеллировал редактор Соцэкгиза, поправляя Захера.

И последнему ничего не оставалось, как принять эту концепцию и признать выступление «бешеных» против диктатуры «глубоко ошибочным». Соответствующий совет получил и я. Рекомендую мне написать статью, опровергающую обвинения против эбертистов, он добавлял: «Думаю, что В.М. и А.З. охотно бы взяли такую статью для т. IV Французского ежегодника»⁵. Однако вскоре уточнил: «Так как В.М. и А.З. может не совсем понравиться упор при этом на роли [в фальсификации обвинений. – А.Г.] дорогих их сердцу робеспьеристов, то опирайтесь, чтобы им нечем было крыть, на имеющуюся у Вас цитату из Маркса⁶ о

¹ Я.С. Драбкин – Я.М. Захеру. 18 февраля 1958 г.

² Я.С. Драбкин – Я.М. Захеру. 24 февраля и 10 марта 1958 г.

³ НиНИ. 1959. № 2.

⁴ Протокол заседания группы по истории Франции. 19 декабря 1957 г.

⁵ Я.М. Захер – А.В. Гордону. 7 мая 1961 г.

⁶ О том, что так «можно очень легко осудить любого человека». См.: Ф. Энгельс – К. Марксу, 9 марта 1847 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 79.

процессе эбертистов»¹. Когда я решил представить свою дипломную работу в качестве реферата для поступления в аспирантуру, последовал характерный совет: «Смягчите только антиробеспьеристское острие»².

Стоит уточнить. Между Яковом Михайловичем, с одной стороны, Виктором Моисеевичем и Альбертом Захаровичем, с другой, были вполне дружеские отношения – уважительные как к старшему товарищу у Манфреда и теплые, с искренней симпатией и глубоким сочувствием (у обоих была общая лагерная судьба) у Далина³. Но в оценках якобинцев и собственно диктатуры они заметно расходились.

Захер толковал концепцию «революционно-демократической диктатуры» в духе ранних представлений советской историографии о якобинцах как «партии» мелкой буржуазии: «С А.З. я, конечно, не согласен и стою за термин “мелкая буржуазия”»⁴. Когда я, ученик Захера, заметил, что якобинцы – это «мелкая буржуазия», то Манфред, ставший моим научным руководителем в аспирантуре, парировал: «якобинцы – это блок».

Несколько схематизируя, можно сказать: Захер признавал скорее «революционность», чем «демократичность» якобинской диктатуры. Необходимость последней, заодно с террором, он обосновывал в унисон с «классической традицией», по Олару. «Революционная система управления и террора явилась результатом не какого-либо заранее составленного плана, а практической необходимости, связанной с необходимостью упорной борьбы с угрозой контрреволюции. Но это значит, что ликвидация этой угрозы должна была сделать ненужной и саму террористическую систему» – так в лекционном курсе раскрывал Захер тему «Объективные предпосылки падения якобинской диктатуры»⁵.

Ученому не нравилась утвердившаяся в 1930-е гг. датировка окончания революции падением Робеспьера. В том, что касается народного движения, он не находил резкой грани между предтермидорианским и посттермидорианским периодами: в данном отношении конец революции, полагал Захер, приходится либо на весну 1794 г., либо на жерминальское и прериальское выступления (1795). Иначе говоря, с ликвидацией самостоятельности парижских секций и подавлением повстанче-

¹ Я.М. Захер – А.В. Гордону. 9 июня 1961 г.

² Я.М. Захер – А.В. Гордону. 21 июня 1961 г.

³ В архиве Я.М. есть несколько десятков писем Далина и Манфреда. Полагаю, что не меньше писем Захера содержится в их архивах, один из которых находится в распоряжении Михаила Викторовича Далина, а другой в фонде рукописей Государственной библиотеки РФ. Целесообразно, видимо, изучать их в комплексе.

⁴ Я.М. Захер – А.В. Гордону. 11 июля 1962 г.

⁵ /Захер Я.М./.. Французская революция. № 3.

ской активности городских низов завершилась и собственно революция как движение народных масс.

Но эти критические мысли Я.М. высказывал в частном разговоре со мной. А публично, даже в лекционном курсе, придерживался официальной оценки термидорианского переворота, находя для нее свое обоснование: «Переворот 9 термидора означал не что иное, как переход власти из рук мелкой буржуазии в руки буржуазии крупной, и, как таковой, был переворотом контрреволюционным»¹.

Захер до конца был верен классовому подходу, порой редуцированному в его работах до характерного для ранней советской историографии «привязывания» якобинских группировок к слоям мелкой буржуазии: верхушка – дантониисты, «крепкая мелкая буржуазия» – робеспьеристы, «разоряющаяся городская мелкая буржуазия» – эбертисты². В этом отношении позиция Манфреда («якобинцы – это блок») выглядит для меня предпочтительней. Однако я всецело согласен со своим учителем в определении движущих сил переворота 9 термидора, в указании на «нисходящую линию» революционного движения, на образование «плебейской оппозиции» среди разочаровавшихся в диктатуре, на то, что проявление оппозиционности городских низов в дни переворота стало «одной из важнейших причин поражения и гибели робеспьеристов»³.

К сожалению, не пришлось Захеру развить свои соображения о термидорианском перевороте. В его письмах 1961–1962 гг. почти постоянно сообщалось о нездоровье, приступах удушья, мозговых нарушениях. Это заметно отражалось и на настроении, и на почерке. И вот в конце 1962 г. мне показалось, что наступило улучшение. Я.М. разуверил: «Вы находите, что я в хорошем настроении? Объясняется это тем, что я уподобляюсь тому попугаю, который сказал “ехать, так ехать”, когда кошка тащила его за хвост из клетки. Моя дальнейшая судьба мне хорошо известна и поэтому лучшее, что я могу делать, это *faire une bonne mine à mauvais jeu*»⁴.

Было еще несколько писем. Последняя открытка – 1 марта 1963 г. – заканчивалась на середине: «Мне очень тяжело писать»⁵. Потом телеграмма Зои Ивановны: «Яков Михайлович скончался четырнадцатого похороны семнадцатого 14 часов». По просьбе Кобба, с которым Я.М., по ее словам, «был в больших друзьях», она обстоятельно описала со-

¹ /Захер Я.М./ Французская революция. № 3.

² См.: ФЕ 1964. С. 100.

³ Захер Я.М. Плебейская оппозиция в Париже накануне 9 термидора // НиНИ. 1962. № 5. С. 57.

⁴ Я.М. Захер – А.В. Гордону. 20 января 1963 г.

⁵ Я.М. Захер – А.В. Гордону. 1 марта 1963 г.

бытия 14 марта. Утром началось желудочное кровотечение, потребовалась операция, на которую Я.М., несмотря на больное сердце, охотно дал согласие. Зое Ивановне сказал, что «смерти он не боится, только бы умирать не в сознании». Но и такое избавление ему было не суждено. «Скончался в полном сознании и светлом разуме»¹.

* * *

Март 1968 г., «пражская весна». Прошу Поршнева прийти на мою зашиту. Борис Федорович отвечает: «Благодаря Вашей работе процесс генезиса яacobинской диктатуры прояснился, но меня больше интересует процесс ее крушения». Захер и Поршнев далеко не были антисоветчиками – напротив, глубоко советские люди². Оба приобщились к культуре партийности, и никогда не принадлежавший к правящей Поршневу гораздо в большей мере, чем Захер, мог считаться «беспартийным большевиком»³. Люди разных поколений, историки различной научной формации. А вот сошлись на одном – интересе к крушению диктатуры и роли, которую сыграла в этом утрата поддержки масс.

Список литературы

Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (<http://vostokoved.academic.ru/>). (Biobibliograficheski slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetski period)

Бодров А.В., Евдокимова Н.П. Вклад кафедры истории Нового и Новейшего времени Исторического факультета в создание ленинградской—петербургской школы историков // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время. Ишим, 2012 (Bodrov A.V. Evdokimova N.P. Vklad kafedri istorii Novogo i Noveishego vremeni istoricheskogo fakulteta v sosdanie leningradskoi-peterburgskoi shkoli istorikov // Aktualnii problimi istorii i istoriographii Zapadnoi Evropi i Ameriki v Novoe i Noveishee vreme. Ishim, 2012).

Брачев В.С. «Дело» Я.М. Захера // Общество. Среда. Развитие (Terra humana). 2012. № 2. (Brachev V.S. «Delo» J.M.Zakhera // Obshschestvo. Sreda. Razvitie).

«В России надо жить долго...»: Памяти К.А. Антоновой (1910–2007). М., 2010 (V Rossii nado jit' dolgo: Pamiati K.A. Antonovoi (1910–2007). М., 2010).

¹ З.И. Захер – Р. Коббу. 28 апреля 1963 г. Кобб написал Далину, я передал просьбу Зое Ивановне. Она написала это письмо, но, видимо, по каким-то причинам я не отдал его В.М., и оно осталось в моем архиве.

² Я.М. как-то сказал мне, что хотел бы побеседовать с Н.С. Хрущевым. В архиве историка сохранились вырезка из «Правды» с текстом постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» и брошюра «К вопросу о культе личности» (издательство «Правда», 1956) с многочисленными подчеркиваниями.

³ См.: *Гордон А.В.* Б.Ф. Поршневу: Впечатления и размышления // ФЕ 2005. М., 2005. С. 43–62.

Гордон А.В. Б.Ф. Поршневу: Впечатления и размышления // Французский ежегодник. 2005. (Gordon A.V. B.F. Porsnev. Vpchatlenia i razmischlenia// Francuskii ežegodnik. 2005).

Гордон А.В. Власть и революция: Советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов, 2005. (Gordon A.V. Vlast' i revoliucia: Sovetskai istoriographia Velikoi francuskoj revolucii. 1918–1941. Saratov, 2005).

Гордон А.В. Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада // Французский ежегодник. 2007. (Gordon A.V. Sovetskie istoriki i progressivnie uchenie Zapada // Francuskii ežegodnik. 2007).

Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. (Gordon A.V. Velikai francuskai revoliucia v sovetskoj istoriographii. M., 2009).

Гордон А.В. Судьба ученого советской эпохи: В.С. Алексеев-Попов // Французский ежегодник. 2014. (Gordon A.V. Sud'ba uchenogo sovetskoj epochi: V.S. Alekssev-Popov // Francuskii ežegodnik. 2014).

Давидсон А.Б. Я вас люблю: Страницы жизни. М., 2008 (Davidson A.B. Ja vas lublu: Stranici jisni. M., 2008).

Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы. М.; Л., 1931 (Zaidel' G.S., Cvibak M.M. Klassovii vrag na istoricheskom fronte: Tarle i Platonov i ich shkoli. M.; L., 1931).

Захер Я.М. «Бешеные», их деятельность и историческое значение // Французский ежегодник. 1964. М., 1965 (Zakher J.M. "Beschenie, ich deatelnost' i istoricheskoe znachenie // Francuskii ežegodnik 1964. M., 1965).

Захер Я.М. (Я. Михайлов). Великая французская революция и церковь. Т. 1. М., 1930 [Zakher J.M. (J.Mikhailov). Velikai francuskai revoliucia i cerkov'. Vol. 1. M., 1930].

Захер Я.М. Движение «бешеных». М., 1961 (Zakher J.M. Dvijenie «beschenich». M., 1961).

Захер Я.М. К истории русской политики по вопросу о проливах в период между русско-японской и триполитанской войнами // Из далекого и близкого прошлого. Пг., 1923 (Zakher J.M. K istorii russkoj politiki po voprosu o prolivakh v period mejdu russko-japonskoj i tripolitanskoj voinami // Iz dalekogo i blizkogo proshlogo. Petrograd, 1923).

Захер Я.М. Плебейская оппозиция в Париже накануне 9 термидора // Новая и новейшая история. 1962. № 5 (Zakher J.M. Plebeiskai oppozicia v Parige nakanune 9 termidora // Novai i noveischai istoria. 1962. N. 5).

Захер Я.М. Промышленный переворот в Англии и его последствия (Учебник и хрестоматия). Л., 1924 (Zakher J.M. Promischlennii perevorot v Anglii i ego posledstvia (Uchebnik i khrestomatiia). L., 1924).

Захер Я.М. Французская революция в документах. 1789–1794. Л., 1926 (Zakher J.M. Francuskai revoliucia v dokumentakh. 1789–1794. L., 1926).

Золотарев В.П. Яков Михайлович Захер (1893–1963) // Новая и новейшая история. 1993. № 4. Сокращ. вариант: Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.; Иерусалим, 2000. С. 334–345 (Zolotarev.V.P. Jakov Mikhailovich Zakher (1893–1963) // *Novai i noveischai istoria*. 1993. N. 4. See also: *Portreti istorikov. Vrema i sud'bi*. T. 2. Moscow; Jerusalem, 2000).

Каганович Б.С. Андрей Николаевич Шебунин (1887–1940) // Новая и новейшая история. 1995. № 1. Kaganovich B.S. Andrei Nikolaevich Schebunin (1887–1940) // *Novai i noveischai istoria*. 1995. N. 1).

Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле: Историк и время. СПб., 2014 (Kaganovich B.S. Evgenii Viktorovich Tarle: *Istoriik i vrema*. SPb., 2014).

Калишевский М. Особый мир Тенишевского училища // <http://www.zarplata.ru/a-id-13251.html> [Osobii mir Tenishevskogo ucilichsha].

Кареев Н.И. Французская революция в марксистской историографии в России / Публ. Д.А.Ростиславлева // Великая французская революция и Россия. М., 1989 [Kareev N.I. Francuskai revoliucia v marksistkoi istoriografii v Rossii // *Velikai francuskai revoliucia i Rossia*. M., 1989].

Катерли Е. Учёный-дезертир // Ленинградская правда. 1929. 12 октября [Katerli E. Uchenii-desertir // *Leningradskai Pravda*. 1929. October 12].

Молок Ф.А. Научно-педагогическая деятельность и жизненный путь историка Александра Ивановича Молока // Клио. 2006. № 4. [Molok F.A. Nauchno-pedagogicheskai dejatelnost' i jiznennii put' Aleksandra Ivanovicha Moloka // *Klio*. 2006. N 4].

Носков В.В. Первые шаги американистики в Ленинграде // Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. [Noskov V.V. Pervie shagi amerikanistiki v Leningrade // *Vseobchshai istoria i istoria kulturi*. Peterburgskii istoricheskii sbornik. SPb., 2008].

Ревуненков В.Г. Проблемы яacobинской диктатуры в новейших работах советских историков // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. [Revunenkov V.G. Problemi jakobinskoi diktaturi v noveischich rabotach sovetskikh istorikov // *Problemi vseobchshei istorii*. Leningrad, 1967].

Ревуненков В.Г. Я.М. Захер и историография «бешеных» // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. 1969. № 2. [Revunenkov V.G. J.M.Zakher i istoriographia Dvijenie «beschenich» // *Vestnik LGU. Ser. istorii, jazika, literaturi*. 1969. N. 2]

Link P. China: The Anaconda in the Chandelier // *The New York Review of Books*. 2005. May 27. <http://www.nybooks.com/articles/archives/2002/apr/11/china-the-anaconda-in-the-chandelier/>

Мемориал: Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. [Memoriam: *Sbornik pamiaty J.S. Lurie*. SPb., 1997].